

С. М. Каштанов

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО И ЗАПАД

Историографические очерки

Университет Дмитрия Пожарского

Сергей Каштанов

**Московское царство и Запад.
Историографические очерки**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2015

УДК 930
ББК 63.3(2)4

Каштанов С. М.

Московское царство и Запад. Историографические очерки /
С. М. Каштанов — «Русский фонд содействия образованию и
науке», 2015

ISBN 978-5-91244-138-7

В книге рассматривается развитие историографии феодального иммунитета в России XVIII–XX вв., излагается авторская теория иммунитета как общеевропейского института, характерного для периода Средних веков. Монография дополняется приложениями, где анализируются представления западной историографии XIX–XX вв. о феодализме в России и дается обзор современных концепций эволюции форм труда в Европе XIII–XVIII вв. Отдельные очерки посвящены историографии крестьянства Среднего Поволжья в эпоху феодализма и вопросу о роли крестьянской реформы 1861 г. в развитии тематики и методологии российского источниковедения. В двух очерках содержится разбор русской и французской литературы 60-х годов XX в., касающейся истории феодальной России.

УДК 930
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-91244-138-7

© Каштанов С. М., 2015
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2015

Содержание

От автора	6
Часть	7
Глава 1	7
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Каштанов

Московское царство и Запад: Историографические очерки

*Светлой памяти академика Льва Владимировича Черепнина
посвящаю*

Университет Дмитрия Пожарского
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт всеобщей истории

Работа выполнена в рамках проекта Программы фундаментальных исследований РАН
«Традиции и инновации в истории и культуре»

Печатается по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук Н. А. Горская
доктор исторических наук, академик РАО С. О. Шмидт

Рецензенты:

доктор исторических наук Л. В. Столярова
доктор исторических наук Т. В. Гимон

© Каштанов С.М., текст, 2015

© Григоренко М.В., дизайн макета и верстка, 2015

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015

От автора

Основу настоящей работы составляет монографическое исследование историографии и теории феодального иммунитета (части I–II). Наряду с ним в книгу включены в качестве приложения (часть III) ряд историографических очерков, характеризующих развитие источниковедческой и историко-социологической мысли по вопросам, тесно связанным с трактовкой сущности иммунитета, крепостного права и феодализма вообще. В первом из этих очерков делается попытка выяснить влияние крестьянской реформы на тематику и направление источниковедческих исследований в России. Во втором очерке рассматривается дореволюционная и советская историография крестьянства Среднего Поволжья эпохи господства феодальных отношений и крепостного права. В третьем очерке автор анализирует советскую литературу 1965–1966 гг., касающуюся кардинальных проблем социально-экономического развития России в Средние века и раннее Новое время. В четвертом очерке прослеживается эволюция представлений зарубежной историографии о феодализме в России. В пятом очерке содержится систематический разбор французской литературы 1960–1964 гг. по истории дореволюционной России. Наконец, шестой очерк дает представление о современной проблематике исследований по широкому кругу вопросов социально-экономической истории стран Европы XIII–XVIII вв. Заключают работу наши размышления о типе Русского государства XIV–XVI вв. и его соотношении с западными моделями.

Автор выражает сердечную признательность О. Б. Бокаревой, Н. А. Комочеву и П. С. Каштанову за участие в компьютерном наборе текста книги.

Часть Историография феодального иммунитета в России

Глава 1 Зарождение и развитие представлений о феодальном иммунитете в России (XVIII в. – 80-е годы XIX в.)

Изучение феодального иммунитета и жалованных грамот как источника по этой теме всегда прямо или косвенно сталкивалось в русской исторической науке с проблемой крепостного права. Данный аспект развития историографии крепостного права до сих пор не был предметом специального исследования, хотя в монографии Л. В. Черепнина имеется параграф, содержащий весьма ценный разбор основных работ, посвященных жалованным грамотам¹. Л. В. Черепнин вскрыл гносеологические основы главнейших концепций феодального иммунитета, дал глубокую критику ряда схем классификации жалованных грамот. Вместе с тем в его задачу не входило последовательное изучение историографии иммунитета в связи с изменениями в общественной жизни России XIX–XX вв.

С большой статьей, посвященной иммунитету на Руси XIV–XV вв., выступил в 1962 г. западногерманский историк Вильгельм Шульц². В историографическом разделе автор анализирует труды дореволюционных и советских исследователей иммунитета³. Отвергая марксистскую трактовку иммунитета, Шульц весьма критически оценивает и русскую историографию XIX – начала XX в., причем всю борьбу мнений он сводит к спору о публичном или частном характере вотчинного и княжеского права.

Шульц абстрагируется от истории социально-экономических отношений и политической борьбы XIX–XX вв., вне связи с которой нельзя понять развития историографии. Это и неудивительно: ведь Шульц по существу отрицает поступательное движение русской исторической мысли в области теории иммунитета. Историки группируются им не по хронологии прежде всего, а по принадлежности к числу сторонников концепции публичного или частного права (отсюда такие внеисторические группы, как Градовский – Милюков, Неволин – Павлов-Сильванский). Создается впечатление, что русская историография иммунитета все время топталась на месте, не двигаясь вперед с двух раз навсегда занятых взаимопротивоположных позиций.

Задачей настоящей работы является изучение развития исторических взглядов на иммунитет в России. В данной главе рассмотрение историографии доводится до середины 80-х годов XIX в.

В русской исторической литературе тема жалованных грамот с давних пор занимает видное место. Интерес к ней обусловлен богатейшим историко-юридическим содержанием жалованных грамот. Они предоставляют исследователю широкую возможность заняться рассмотрением таких ведущих исторических проблем, как феодальная собственность на землю, взаимоотношения между феодалами и крестьянами, роль государства в этих взаимоотношениях и т. д. Самое превращение в начале XIX в. жалованных грамот в предмет научных изысканий и публикаций определялось вызреванием и оформлением буржуазной историографии, которая довольно быстро приобрела ярко выраженный юридический характер. Без изучения

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. II. С. 97–111.

² Schulz W. Die Immunität im Nordöstlichen Russland des 14. und 15. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin (West), 1962. Bd. 8. S. 26–281. (Далее – FOG).

³ Ibid. S. 57–86.

актовых источников и прежде всего жалованных грамот как документов с наиболее разветвленной системой правовых норм представители этой историографии уже не видели достаточно свободного пути для движения вперед. Вместе с тем, подобно всякой общей тенденции, введение в научный оборот актовых материалов находило подчас проявление в деятельности лиц, не имевших сознательной цели дать дорогу новой тенденции и ставивших перед собой более частные, иногда узкокорпоративные цели. Так, на протяжении XIX – начала XX в. жалованные грамоты неоднократно издавались церковно-монастырскими иерархами, стремившимися показать особо милостивое отношение к их корпорациям древних князей и царей.

Проекты и отдельные реформы М. М. Сперанского, вызвавшие против себя реакцию части дворянства, способствовали оживлению юридической мысли. Созданная в мае 1811 г. Комиссия печатания государственных грамот и договоров приступила к публикации духовных и договорных грамот великих и удельных князей, а также других документов общегосударственного значения. С 1811 г. в издании «История Российской иерархии»

Амвросия Орнатского начали печататься княжеские и царские жалованные грамоты (из архивов северных монастырей)⁴.

Источники, изданные Амвросием, а также отдельные неопубликованные грамоты из монастырских архивов позволили С. Г. Салареву дать самые общие, очень краткие, неточные и сбивчивые сведения о жалованных грамотах. Его обзор русских грамот, вышедший в начале 1819 г.⁵, носил еще примитивный, главным образом информационный характер. Но автор энергично подчеркивал актуальность изучения грамот: «Для объяснения некоторых мест истории нашей знание грамот необходимо»⁶. Определения разновидностей жалованных грамот («тарханские», «несудимые», «льготные»), взятые автором из законодательных источников (Судебника 1550 г., Стоглава), толковались в его обзоре весьма произвольно⁷. Однако попытка Саларева причислить «тарханские» грамоты к категории «несудимых» основана, как думается, не только на недоразумении. «Тарханские» грамоты, фиксирующие бессрочные податные привилегии в большинстве случаев одновременно с судебным иммунитетом, в обстановке господства крепостного права вполне могли приниматься за «несудимые». Экономическая действительность России первой половины XIX в. давала наглядные доказательства того, что «привилегии», которые землевладельцы получали по жалованным грамотам, на практике представляют собой обычное право помещиков. Поэтому более существенной частью жалованных грамот казался их несудимый раздел, где строго определялся объем сеньориальной юрисдикции. Саларев указал мимоходом, что несудимые грамоты выдавались и в странах Западной Европы, хотя сколько-нибудь подробного сравнения русских иммунитетных актов с западными он не проводил⁸.

Запрещение публично обсуждать крестьянский вопрос (1818–1858 гг.) затормозило изучение феодального иммунитета, однако уже с 40-х годов под сенью этого запрета разгорелась борьба между дворянским и буржуазным пониманием природы привилегий, закрепленных в жалованных грамотах. В 30-40-х годах XIX в. тезис о незыблемости помещичьего землевладения и крепостного права вошел в официальную правительственную доктрину А. С. Уварова

⁴ *Амвросий*. История российской иерархии. М., 1811. Ч. III; 1812. Ч. IV; 1815. Ч. VI. (Далее – *Амвросий*). Некоторые грамоты, опубликованные Амвросием, сохранились в копиях XIX в. в архиве А. Ф. Малиновского: РГАДА. Ф. 197 (А. Ф. Малиновский). Портфель II. № 58 (ср.: *Амвросий*. Ч. III. С. 136–144. № I), № 59 (ср.: *Амвросий*. Ч. IV. С. 704–706. № I); Портфель III. № 5. (ср.: *Амвросий*. Ч. IV. С. 706–711. № II), № 6 (ср.: *Амвросий*. Ч. III. С. 283–286. Б/н). Текстуальное сличение показывает, что грамоты печатались с копий, хранящихся в портфелях Малиновского. Возможно, публикаторская работа Амвросия находилась в какой-то связи с деятельностью А. Ф. Малиновского, игравшего руководящую роль в Комиссии печатания государственных грамот и договоров.

⁵ Саларев [С. Г.] Описание разного рода российских граммат // Вестник Европы. 1819. Февр., № 4; Март, № 5.

⁶ Там же. Март, № 5. С. 44.

⁷ Вестник Европы. 1819. Февр., № 4. С. 285–287.

⁸ Там же. С. 288, примеч. 43.

(1832 г.). Вместе с тем тогда же правительство настойчиво стремилось использовать достигнутый уровень развития юридической мысли для укрепления пошатнувшегося положения класса феодалов и феодального государства. Кодификационные работы, публикация законов и других правовых материалов служили этой цели. Наметившаяся тенденция дала возможность некоторым прогрессивным историкам и археографам (в том числе П.М. Строеву) поставить работу по изданию исторических источников (главным образом летописных и актовых) на более широкую ногу, вводя ее в рамки деятельности официального учреждения – вновь созданной императорской Археографической комиссии⁹. Акты Археографической экспедиции, напечатанные на весьма высоком для того времени археографическом уровне¹⁰, давали исследователям богатейший материал по истории политики и права, но материал, конечно, иллюстративный, случайный, что, с одной стороны, соответствовало самому принципу иллюстративности в юридическом методе буржуазной историографии, а с другой стороны, отражало трудности сбора источников при слабой централизации архивного дела и сосредоточении многих документов в руках монастырей и частных лиц. Такой же характер носило издание «Актов исторических» (1841 г.). В 1836 г. Досифей опубликовал целый ряд жалованных грамот XVI–XVII вв. Соловецкому монастырю¹¹. Сразу по основании Губернских ведомостей в 1837 г. в их «неофициальной части» (или «добавлениях») стали издаваться отдельные жалованные грамоты. Регесты значительного числа иммунитетных грамот составил А.Х. Востоков в своем знаменитом описании рукописей Румянцевского музея (1842 г.).

Несмотря на то, что публикации 30-х – начала 40-х годов создали благоприятные условия для изучения феодального иммунитета, специального исследования проблемы иммунитета в это время не велось, поднимались лишь отдельные связанные с ней вопросы, причем оставались в тени самые существенные стороны сеньориальной власти феодалов – получение податей и вотчинная юстиция. К проблеме иммунитета подходили окольным путем, начиная с обсуждения сравнительно второстепенного вопроса – о происхождении права феодала взимать таможенные пошлины в пределах своего владения. Ю.А. Гагемейстер верно подметил, что материальной базой этого права служила земельная собственность¹². У него нет типичных для позднейшей историографии попыток рассматривать феодальное право сбора таможенных пошлин в качестве результата княжеского пожалования. Вывод Гагемейстера довольно точно согласовался с правительственной концепцией, трактовавшей крупное феодальное землевладение и вытекавшие из него права как институты, не допускавшие посягательства на них со стороны центральной власти, а, следовательно, издревле независимые от нее. В. В. Григорьев, выступивший с доказательством подлинности ханских ярлыков русским митрополитам, указывал, что привилегии, зафиксированные в ярлыках, не могли быть вымышленными, ибо духовные корпорации «действительно пользовались ими издревле, так и долгое время после свержения монгольского ига»¹³. При этом он допускал возможность отмены или ограничения привилегий ханами, а впоследствии князьями¹⁴. Автор неправоммерно отрицал политические мотивы выдачи ярлыков и объяснял их происхождение веротерпимостью монгольских ханов¹⁵. Таким образом, в его концепции иммунитет выступает как обычное право церкви, лишь подтвержденное в ярлыках. Взгляды Ю.А. Гагемейстера и В.В. Григорьева фактически нашли поддержку в работе К. А. Неволлина, который писал: «Господин для своих слуг, владелец земель

⁹ ААЭ. СПб., 1836. Т. I–IV.

¹⁰ Критический разбор ААЭ дал впоследствии Н.П. Павлов-Сильванский (см.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Погрешности актов Археографической экспедиции // ЛЗАК. 1904. СПб., 1907. Вып. XVI).

¹¹ *Досифей.* Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. III.

¹² *Гагемейстер Ю. А.* Разыскания о финансах древней России. СПб., 1833. С. 44–45 > 77-

¹³ *Григорьев В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842. С. 30.

¹⁴ Там же. С. 77–78, 109.

¹⁵ Там же. С. 32–53.

для людей, на них поселенных, были по древним нашим законам природными судьями...»¹⁶. Право сеньориального суда церкви было, согласно Неволину, только «*подтверждаемо* (курсив мой. – С. К.) ханскими ярлыками»¹⁷. Тезис о том, что иммунитетные привилегии возникли независимо от публичной власти, имел в условиях разложения феодально-крепостнической системы определенный классовый смысл. По существу он вполне отвечал интересам широких кругов дворянства, давая историческое обоснование их стремлению сохранить в неприкосновенности свои земельные богатства и связанные с ними вотчинные права. Появление этой концепции стало объективно возможным благодаря определенной эволюции дворянской земельной собственности в XVIII – начале XIX в. Еще в первой половине XVIII в. сохранялись живые воспоминания об условном характере дворянской собственности, о связи ее с государевым пожалованием. Посошков призывал к активному вмешательству государства в отношения между помещиком и крепостным. И позднее идеологи абсолютизма пытались представить помещиков не столько собственниками, сколько уполномоченными правительства – чиновниками, полицейскими, попечителями крестьян (Павел I, В. Н. Каразин и др.)¹⁸. Однако манифест о вольности дворянства 1762 г., жалованная грамота дворянству 1785 г. юридически оформили фактическое превращение дворянского землевладения в чистую частную собственность, не обусловленную службой государству. Эта буржуазизация земельной собственности, сопровождавшаяся ростом частной (рабовладельческой) собственности на работника производства, позволила взглянуть и на иммунитетные права дворянства как на продукт частного права, расценить их в качестве частной собственности, а не политического института, созданного царским пожалованием.

В самом конце 40-х – начале 50-х годов XIX в. открыто заявила о себе и другая концепция. В исследовании, посвященном истории внутренних таможенных пошлин в России (1850 г.), Е. Осокин, полемизируя с Ю. А. Гагемейстером, полностью отрывал право феодалов на сбор таможенных пошлин от земельной собственности¹⁹. Мнение Осокина подверглось критике со стороны И.Д. Беляева, который поддержал концепцию Гагемейстера и убедительно использовал одну грамоту 1596 г. для доказательства того, что право сбора таможенных пошлин (мыта, мостовщины, перевозов) обуславливалось земельной собственностью²⁰. Несмотря на всю заурядность монографии Осокина, спор между ним и Беляевым был не частным случаем, а началом борьбы двух направлений в легальной русской историографии. По методу изучения истории оба эти течения представляются формами буржуазной историографии, однако, если точка зрения Гагемейстера – Неволлина – Беляева давала оружие в руки феодалов-землевладельцев, то концепция Осокина, наоборот, вырывала его у них и целиком подчинялась классовым устремлениям буржуазии.

Выступление идеологов буржуазии против выразителей концепций, выгодных земельному дворянству, имело под собой широкую социальную основу. К 50-м годам XIX в. классовая борьба крестьянства за ликвидацию феодального строя приобрела огромный размах. Она оказала чрезвычайно сильное влияние на буржуазную историографию, способствовала ее активизации. Учитывая расстановку классовых сил в стране, представители буржуазной общественной мысли стали пытаться всячески ослабить идеологические основы крепостного права. Иммунитетные права и привилегии дворянства, действительно базировавшиеся на земельной собственности, начали изображаться независимыми от этой основы, не связанными с ней. Многие источники, и прежде всего жалованные грамоты, как будто вполне позволяли сказать,

¹⁶ Неволлин К. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. СПб., 1847. С. 202.

¹⁷ Там же. С. 204.

¹⁸ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. I. С. 7, 74–75, 371–372.

¹⁹ Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850. С. 25–29.

²⁰ Москвитянин. 1850. Ноябрь, кн. 2, отд. IV. С. 59–61.

что феодалы обязаны своими иммунитетными правами центральной власти, правительству, которое делегировало им часть своих государственных полномочий. Буржуазная историография выступила, таким образом, с культом центрального правительства. Дело тут объясняется, конечно, не только буквальной трактовкой жалованных грамот буржуазными историками. Это было, скорее, следствием, а не причиной абсолютизации государства.

Сущность вопроса состояла в том, что буржуазная историография накануне реформы не могла обойтись без культа правительства. С одной стороны, правительство рассматривалось ею как единственный возможный реформатор общественного строя, способный решить крестьянский вопрос путем лишения дворян их земель и иммунитета. Поэтому-то буржуазная историография стремилась доказать полную зависимость феодалов от правительства и отсутствие прочных корней феодального иммунитета в объективных факторах (феодальной собственности на землю). С другой стороны, в обстановке развернувшейся классовой борьбы народных масс идеологи русской буржуазии не видели другой представительницы «порядка» в стране, кроме самодержавно-полицейской власти царского правительства. Это также послужило важной социальной причиной абсолютизации государства в буржуазной историографии предреформенного периода.

В 50-х годах появилась уже целая плеяда историков, чьи труды проникнуты отмеченной тенденцией. Прежде всего, внутренние противоречия, из которых фактически родилась уступка вновь возникавшей концепции, обнаружились в очередной книге самого К. А. Неволлина, вышедшей в 1851 г. и посвященной истории русского гражданского права. Здесь Неволлин впервые в русской историографии широко поставил вопрос о роли жалованных грамот и характере зафиксированных в них юридических норм. Он высказал верное предположение, что жалованными грамотами «был только подтверждаем, как исключение, тот порядок вещей, который в древнейшие времена существовал сам собою по общему правилу», «... В древнейшие времена права вотчинника были не теснее, а напротив еще обширнее, чем были во времена позднейшие»²¹. Неволлин совершенно правильно рассматривал выдачу вотчинникам несудимых грамот в качестве средства ограничения их феодальной автономии²². Но его уступка новой концепции наиболее явно выразилась в том, что он находил возможным говорить об «уничтожении» судебной власти феодалов по мере окончательного укрепления государственной власти, т. е. при создании централизованного государства²³. Это допущение, проскользнувшее уже у В. В. Григорьева, имело свои политические и гносеологические корни. С политической точки зрения такая трактовка вопроса служила делу примирения старой и новой концепций на основе признания определяющей роли государственной власти для развития иммунитета.

Гносеологической базой схемы Неволлина было идеалистическое понимание исторического процесса, умение анализировать явления только в политической плоскости, без учета экономических факторов как ведущих двигателей истории. Неволлин изучал эволюцию «вотчинного права» в отрыве от социально-экономических отношений феодального строя. Он не показал источника власти феодала, которым являлась феодальная форма земельной собственности. Неволлин совершенно игнорировал вопрос об экономическом господстве феодалов – получении податей, вытекавшем непосредственно из отношений собственности, и сосредоточил свое внимание лишь на политических правах феодалов, которые исследовались им вне связи с основой феодализма и экономической властью феодалов.

Историю судебного иммунитета Неволлин рассматривал с точки зрения развития феодального государства. Отмеченные выше правильные суждения Неволлина строились не на научном понимании структуры феодального общества, а на представлении о слабости публич-

²¹ Неволлин К. История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 2. С. 149.

²² Там же. С. 150.

²³ Там же.

ной власти в раннефеодальную эпоху. Он так и объяснял свою мысль: «При слабой власти общественной сильный вотчинник в пределах своей земли был самовластным господином»²⁴. Сделав вывод, что централизованное государство уничтожило судебный иммунитет, Неволин впал в видимое противоречие не только с историческими фактами, но и с фактами окружающей его действительности. Судебные права помещиков в отношении крестьян были хорошо известны самому автору. Чтобы ликвидировать это противоречие, он приводил следующее рассуждение: «Хотя владельцы населенных имений были естественными судьями своих крепостных в их делах между собою, но право суда в этом случае было совершенно отлично от принадлежавшего прежде вотчинникам права судить людей свободных, живших в вотчинных землях»²⁵.

На самом деле коренного различия между судом феодала в раннефеодальную эпоху и вотчинным судом периода позднего феодализма нет. И в том, и в другом случае крестьянин выступает как лично несвободный в силу феодальной формы земельной собственности. Говоря о судебных полномочиях феодалов во времена позднего феодализма, Неволину пришлось назвать землевладельцев «естественными судьями» и на этом закончить объяснения. Характерные для схемы Неволлина тенденции – показ иммунитетных привилегий феодалов в отрыве от феодальной собственности на землю и попытка обусловить их степень полноты государственной власти – по существу ослабляли позиции сторонников дворянской теории иммунитета. Во всяком случае, Неволин не выдвинул на передний план их важнейший аргумент (земельную собственность), ограничившись ссылками на «естественные», обычные права вотчинников.

Буржуазно-дворянская теория обычного права вотчинников, несомненно, перекликалась со взглядами представителей естественно-исторической школы в области изучения литературных памятников, особенно летописных и переводных (И. И. Срезневский, М. И. Сухомлинов, А. Н. Пыпин). Середина 40-х – середина 50-х годов XIX в. – кульминационный момент развития естественно-исторической школы. К началу крестьянской реформы ее идеи были почти совершенно вытеснены из русской историографии. Для естественно-исторической школы типично стремление отыскивать корни того или иного явления не во внешних факторах, а в естественных потребностях людей и самостийно возникших порядках. Историкам этого направления было несвойственно усматривать первоисточники древних обычаев в иностранных влияниях и в правотворчестве государства. Такая позиция позволила естественно-исторической школе внести большой вклад в отечественную науку.

Однако главная слабость естественно-исторической школы, определившая крах последней накануне реформы, заключалась в ее попытке совершенно абстрагироваться от рассмотрения человеческого общества как социально неоднородного, разделенного на классы²⁶. Желание обойти проблему классовых и даже политических противоречий феодального строя, объяснение всех явлений человеческими потребностями вообще – все это показывает крайне незрелый характер буржуазного гуманизма данного течения, которое своим полным затушевыванием социальных конфликтов в древнерусском обществе в значительной мере служило интересам земельного дворянства. Определение вотчинных порядков в качестве обычного или «естественного» права феодалов отражало в условиях господства крепостнической системы классовую ограниченность и политическую тенденциозность авторов. Маркс указывал, что «обычные права благородных по своему содержанию восстают против формы всеобщего закона... они являются *обычным бесправием*»²⁷.

²⁴ Там же. С. 149.

²⁵ Там же. С. 150–151.

²⁶ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II. С. 576, 585.

²⁷ Маркс К. Дебаты шестого Рейнского ландтага (статья третья) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. I. С. 126.

Если у Неволлина уступка новой теории делалась в скрытой форме, а в основном он защищал старую точку зрения, то уже в трудах двух крупнейших буржуазных историков середины XIX в. – С. М. Соловьева и Б.Н. Чичерина – была дана совсем иная постановка вопроса о жалованных грамотах. В четвертом томе своей «Истории России», изданном в 1854 г., Соловьев исследовал главным образом льготные грамоты. Он первый более или менее широко обосновал взгляд на жалованные грамоты как на документы, содержащие реальные льготы. В оценке льготных грамот Соловьев исходил из предположения, что колонизационный процесс являлся важнейшим фактором исторического развития русского народа в Средние века. Историю Руси XIV–XV вв. С.М. Соловьев считал историей «страны, которая колонизируется». «Населить как можно скорее, перезвать отовсюду людей на пустые места, приманить всякого рода льготами... – вот важные вопросы колонизирующейся страны». Отсюда, по его мнению, «легко понять происхождение... льготных грамот, жалующих землевладельцам, населителям земель»²⁸.

Соловьев дал чисто юридический разбор вотчинных прав, зафиксированных в грамотах, без выяснения первоисточников этих прав²⁹. Строго говоря, концепция Соловьева не была до конца четкой, так как оставалось гадать, считает ли автор государственную власть, носители которой выдавали льготные грамоты, творцом иммунитета, или он видит в ней просто силу, расширяющую иммунитет. В последнем предположении сомневаться не приходится: в отличие от Неволлина, рассматривавшего иммунитетные акты как средство ограничения вотчинных прав, Соловьев представлял их в виде документов, увеличивающих объем иммунитета. Крайне важно признание автором выдающейся роли государства в создании зависимых отношений между вотчинниками и крестьянами: согласно схеме Соловьева, без помощи государства, без льгот с его стороны земельные собственники не смогли бы населить свои вотчины. В середине 50-х годов XIX в. этот вывод отвечал политическим интересам буржуазии, а не дворянства. Таким образом, своей трактовкой льготных грамот Соловьев расчистил дорогу для предшественников государственной школы. Он еще не сформулировал вполне определенно, что именно льготные грамоты создавали весь комплекс иммунитетных привилегий, однако самим ходом рассуждений автора читатель подводился к этому выводу.

В обстановке борьбы за ликвидацию крепостного права проблема жалованных грамот нашла отклик у идеологов русской революционной демократии. Н. Г. Чернышевский, опубликовавший в том же 1854 г. рецензию на четвертый том «Истории» Соловьева, уделил этой проблеме особое внимание. Он резко выступил против идеализации феодального государства, содержащейся в книге Соловьева. Поставив под сомнение тезис Соловьева насчет исключительной заботы государства о заселении территории, Чернышевский дал замечательное по своей глубине объяснение политических мотивов выдачи льготных грамот: «Скорее давались они для того, чтобы привязать к себе, удержать волость от принятия в князя соперника, нежели с тем, чтобы привлечь новое население. Об этом думали гораздо меньше»³⁰.

Таким образом, хотя Н. Г. Чернышевский и не остановился в своей статье на экономической обусловленности содержания жалованных грамот, он сумел глубже современных ему и последующих буржуазных историков понять политический смысл предоставления льготных грамот в период феодальной раздробленности: они являлись важным средством борьбы князей за расширение территории княжеств. Только в советской исторической науке эта мысль Н. Г. Чернышевского нашла развитие и подтверждение (Л. В. Черепнин ярко показал роль жалованных грамот в деле централизации России). Трактовка Чернышевского была глубоко научной и потому, что ею фактически отрицалась возможность создания иммунитета при посредстве льготных грамот – князьями, государством. В русской дореволюционной историографии

²⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. II. С. 648.

²⁹ Там же. С. 493, 535–539, 601–602 и др.

³⁰ Чернышевский Н. Г. ПСС. М., 1949. Т. II. С. 401.

точка зрения Чернышевского осталась одинокой, хотя она открывала чрезвычайно широкие перспективы для исследования политической истории России. Буржуазная историография не могла и не хотела принять ее, так как подобный взгляд на жалованные грамоты, во-первых, не соответствовал классовым и политическим задачам идеологов русской буржуазии, а во-вторых, он находился в противоречии с абстрактно-юридическим методом буржуазной историографии, предполагая необходимость конкретно-исторического подхода к выяснению причин выдачи каждой исследуемой грамоты.

Книга Соловьева дала толчок для дальнейшей абсолютизации роли государства в деле создания иммунитета. В 1855 Г. Е. Осокин напечатал свой полемический ответ на рецензию И. Д. Беляева, где отрицал всякую связь между земельной собственностью, с одной стороны, административным и на этот раз даже податным иммунитетом – с другой. «Было бы произвольно и неосновательно предполагать, – писал он, – что право взимания торговых пошлин, даже прямых податей, соединялось с правом на поземельную собственность»³¹.

По пути, проложенному Соловьевым, пошел Б.Н. Чичерин, который, критикуя родовую теорию Соловьева, углубил абсолютизацию государства, имевшуюся в трудах Соловьева. Чичерин не понял специфики общественных отношений феодального строя. Рисую отношения между феодалом и крестьянами по образцу отношений буржуазной аренды³² и считая крестьян (до XVI в.) свободными³³, Чичерин вместе с тем представлял отношения между феодалом и холопами как отношения рабовладельческого строя³⁴.

Таким образом, средневековый экономический уклад Руси в его изображении выступал в виде некоторой комбинации рабовладельческой и буржуазной общественных структур.

Чичерин противопоставлял порядки эпохи феодальной раздробленности как проявление господства частного права крепостничеству XVIII–XIX вв. как форме служения государству³⁵. Все развитие производственных отношений в феодальной деревне с удельных времен до середины XIX в. трактовалось им с точки зрения взаимной смены частных и государственных отношений: частное право до XVI в., система повинностей до Екатерины II (всеобщее закрепощение сословий), раскрепощение дворянства при Екатерине («награда за долговременное служение отечеству») и предстоявшая отмена крепостного права («вековые повинности должны замениться свободными обязательствами»)³⁶. Таким образом, в схеме Чичерина был заложен известный элемент «отрицания отрицания»: от частных отношений средневековой Руси (без государства) через закрепощение сословий государством к частным отношениям нового времени (в рамках государства). Но Чичерин не видел *качественного* отличия «частных» отношений удельной Руси от «частных» отношений буржуазного типа³⁷. Единственным критерием оценки их особенностей служил для него факт наличия или отсутствия централизованной государственной власти.

Отрицая наличие «государства» до XVI в., Чичерин вместе с тем сумел уловить элемент общности между князем и вотчинником как представителями власти по отношению к крестьянам, хотя самую власть он считал частным правом: «...Каждая вотчина представляла собою

³¹ Осокин Е. Несколько спорных вопросов по истории русского финансового права // Юридический сборник Дм. Мейера. Казань, 1855. С. 555.

³² «Они платили ему подати, оброки, несли повинности за владение землею (курсив мой. – С. К.), а в этом состояла его сила. Но при бродячем духе народонаселения удержать их было невозможно» (Чичерин Б. Н. Холопы и крестьяне в России до XVI века // Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 176).

³³ Чичерин Б. Н. Опыты... С. 158, 175 и др.

³⁴ Там же. С. 164–165, 176 и др.

³⁵ Там же. С. 164, примеч.; 229–230.

³⁶ Там же. С. 231.

³⁷ Правда, он указывал, что «землевладелец был не столько хозяин, сколько князь своей вотчины; цель его состояла не в экономическом устройстве имения, а в сохранении вотчинных прав, которые вовсе не имели хозяйственного характера...» (Чичерин Б. Н. Опыты... С. 219).

маленькое княжество, точно так же, как княжество было не что иное, как большая вотчина. В обоих господствовали одни и те же начала – начала частного владения. Все, что составляет насущную потребность общества, с этой точки зрения превращалось в частную собственность, рассматривалось как доходная статья»³⁸. Чичерин прямо признавал княжескую власть источником вотчинной юстиции. Суд, по его мнению, «отчуждался в частные руки жалованными грамотами частным лицам и монастырям». Право вотчинного суда, утверждал Чичерин, – «особенная милость князя»³⁹.

Выдачу грамот духовным учреждениям Чичерин объяснял также и благочестивыми мотивами⁴⁰. При этом роль феодальной собственности на землю как источника иммунитета сводилась им к нулю при помощи тезиса о кочевом духе народонаселения в удельное время⁴¹. Правильно считая, что вотчинная власть не являлась формой выполнения общественной службы, Чичерин вообще отрицал наличие элементов публичного права в сеньориальной юрисдикции: «...В удельный период в вотчинной Руси суд имел характер не общественной должности, а частной собственности», его отчуждение князьями было «не государственною мерою», «а подарком князя вследствие расположения его к известному лицу»⁴². Грамотчиков, по мнению автора, интересовало не само право суда, а доходы от судопроизводства⁴³. Эта модернизация Чичериным общественных отношений феодального строя отражает не только ограниченность его представления об иммунитетных правах в средневековой Руси, но и определенную политическую тенденциозность в их интерпретации. Русская действительность 50-х годов XIX в. была одной из причин, позволявших настаивать на частном характере сеньориальной власти феодалов.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что именно те отношения, которые сам Чичерин считал «не частным укреплением лица за лицом, а властью, врученной правительством одному сословию, и обязанностями, наложенными на другие»⁴⁴, обусловили его концепцию «частного» характера средневековых порядков.

Крепостничество конца XVIII – середины XIX в. приобрело, как известно, много черт рабовладения, что способствовало резкому увеличению элементов частного права во всех вотчинных институтах и потере ими в значительной степени облика учреждений, как-то сочетающих в себе частнопроводные и публично-правовые функции. С усилением частного элемента в юрисдикции и других политических правах феодалов феодализм становился несколько более понятным представителям буржуазной общественной мысли, которые начали рассматривать его в свете категорий буржуазной политэкономии и юриспруденции, неслучайно пользуясь при этом формулами рабовладельческого римского права, оперировавшего нормами «чистой» частной собственности. Параллельное развитие буржуазных отношений было основой этого процесса. Но если сначала буржуазные юристы только удовлетворяли запросы крепостников⁴⁵,

³⁸ Чичерин Б. Н. *Опыты...* С. 217.

³⁹ Чичерин Б. Н. *Областные учреждения в России*. М., 1856. С. 19, 31.

⁴⁰ Чичерин Б. Н. *Опыты...* С. 179–180, 210.

⁴¹ Анализируя грамоту 1450 г. митрополита Ионы Андрею Афанасьеву, автор замечает: «Здесь видно стремление к образованию такого же иерархического порядка землевладельцев, как в феодальном мире на Западе. Духовное лицо, монастырь получают от князя земли, а вместе с тем и *соединенные с ними права и льготы* (курсив здесь и далее в этой цитате мой. – С. К.), сами же они в свою очередь передают эти права и льготы людям, *которые поселяются на их земле и через это делаются от них зависимыми*. Но у нас вследствие всеобщего разъединения и кочевания этот порядок никогда не мог получить такой определенности, как на Западе...» (Чичерин Б. Н. *Опыты...* С. 182).

⁴² Чичерин Б. Н. *Областные учреждения...* С. 19–20; ср.: С. 23; *Он же*. *Опыты...* С. 179–180.

⁴³ Чичерин Б. Н. *Областные учреждения...* С. 17; *Он же*. *Опыты...* С. 211, 216.

⁴⁴ Чичерин Б. Н. *Опыты...* С. 164, примеч.

⁴⁵ Отмечая характерное для позднего феодализма стремление феодалов превратить крестьян в крепостных, а общинную землю – в господскую, Энгельс писал: «В этом князьям и дворянам помогали юристы, изучившие римское право, которые своим применением норм римского права к германским отношениям, большей частью не понятым ими, сумели создать безграничную путаницу, и притом такую, что благодаря ей господин всегда был в выигрыше, а крестьянин постоянно в проиг-»

то по мере роста классовой борьбы народных масс за ликвидацию феодализма модернизация сущности феодальных отношений превратилась в способ критики их. В самом деле, утверждая, что феодальная юстиция и прочие политические права феодалов не есть общественная функция, буржуазная историография подводила читателя к выводу о ненужности феодалов как организаторов народной жизни в раскрепощенном обществе.

Итак, новые буржуазные теории начали трактовать жалованные грамоты, а через них – государственную власть, в качестве источника иммунитетных привилегий. Они отрывали иммунитет от феодальной собственности на землю. Эти взгляды искажали подлинное положение вещей, к пониманию которого ближе были историки, проводившие точку зрения, выгодную земельному дворянству. Однако появление указанных буржуазных концепций имело и определенное положительное значение. Во-первых, они наносили удар по теории незыблемости и законности крепостного права. Во-вторых, признание жалованных грамот основой вотчинных привилегий дало мощный толчок для их исследования в юридическом плане. Выразители старой концепции, считая, что жалованные грамоты только подтверждали или ограничивали реальные права, по существу не интересовались ими как историческими памятниками. Новые теоретики, резко преувеличив и исказив действительную роль жалованных грамот, не могли не поставить на очередь дня задачу их подробнейшего изучения, ибо жалованные грамоты были теперь объявлены единственным источником всех сеньориальных прав.

Конец 50-х – 60-е годы XIX в. явились самым насыщенным этапом изучения жалованных грамот в русской историографии, причем, в рамках данного периода активнее всего жалованные грамоты исследовались в 1858–1863 гг. Это объясняется тем, что ни до, ни после рассматриваемого отрезка времени проблема сеньориальной власти вообще и крепостного права в частности не была предметом столь острых политических споров, никогда в другие периоды русской истории столкновение классовых интересов на почве борьбы за отмену феодальных податных и судебных привилегий не носило столь широкого, всеобщего характера. В годы революционной ситуации (1859–1861) в центре внимания буржуазной историографии находилась не публикация, а источниковедческий анализ жалованных грамот. В первой половине XIX в. не существовало гармонического единства между печатанием иммунитетных грамот и их исследованием. В условиях, когда социально-экономическое развитие России и рост внутренних потребностей исторической науки выдвинули изучение жалованных грамот на передний план, исследовательская работа по этой теме не могла быть сколько-нибудь широко развернута в силу официального запрещения обсуждать крестьянский вопрос.

Буржуазная историография прибегла тогда к языку самих источников (написанных от лица носителей верховной власти – князей и царей), т. е. начала в довольно крупных масштабах издавать жалованные и указные иммунитетные грамоты (30-40-е годы XIX в.). В конце 40-х – 50-х годах XIX в., несмотря на сохранение старого запрета, в обстановке назревания революционной ситуации источниковедческая мысль работала гораздо интенсивнее, чем раньше, а темпы накопления сырого материала (публикация иммунитетных грамот), несколько снизились в центре⁴⁶, хотя издательская деятельность на местах продолжала развиваться. В годы революционной ситуации эта тенденция раскрылась до конца.

Более того, в 60-х годах была теоретически обоснована необязательность дальнейшей публикации жалованных грамот. По мнению писавшего в это время А. Н. Горбунова, новые материалы не смогли бы ничего прибавить к тому, что стало известно из напечатанных образцов. Грамотами, напечатанными в провинциальных изданиях, ведущие историки почти не пользовались как вследствие недостаточной осведомленности об этих изданиях, так и в силу специфической особенности буржуазной историографии, которая главным в исследовании

рыше» (Энгельс Ф. Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 340).

⁴⁶ Из крупных изданий можно назвать только: ДАИ. СПб., 1846. Т. I; АЮБ. СПб., 1857. Т. I.

жалованных грамот считала юридический анализ, а потому часто обходилась «известными образцами», не стремясь привлечь к изучению жалованные грамоты во всей их совокупности.

Охарактеризованное положение вещей объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, публикации первой половины XIX в. создали достаточно солидную базу для исследования жалованных грамот. Документы, таким образом, имелись, а специальных источниковедческих работ на данную тему не существовало. Само развитие исторической науки требовало отвлечься от накопления сырого материала и заняться его осмыслением. Во-вторых, политическое положение в годы революционной ситуации было таково, что язык источников казался уже слишком невнятным ответом на вставшие вопросы современности. Чувствовалась нужда в остром слове исследователя. В-третьих, буржуазная историография не выдвигала проблему изучения политических причин возникновения каждой конкретной группы жалованных грамот.

Буржуазные исследователи ограничивали свою задачу выяснением юридической основы феодальных привилегий, т. е. вопроса, наиболее актуального (из всей проблематики жалованных грамот) в период революционной ситуации. Как в силу этого момента, так и вследствие юридического характера буржуазной историографии вообще, буржуазное источниковедение конца 50-х – начала 60-х годов интересовалось лишь описанием правовых норм, зарегистрированных в жалованных грамотах. Кроме того, *развитие* самих правовых норм жалованных грамот также мало занимало буржуазную историографию середины XIX в., метафизическую в основе своей и сконцентрировавшую свое внимание на решении общего вопроса об источниках сеньориальной власти.

Подобный подход к жалованным грамотам действительно позволял удовлетвориться «известными образцами» и не предполагал введения в научный оборот всего комплекса исследуемых актов. Некоторое ослабление источниковедческого исследования жалованных грамот после 1861 г., обусловленное уменьшением актуальности этой темы в связи с законодательным оформлением отмены сеньориальной власти феодалов, сопровождалось известным оживлением публикаторской деятельности⁴⁷.

В годы революционной ситуации выделилось три направления в области исследования жалованных грамот. Первое представлено трудами, в которых делались попытки соединить или примирить старую теорию обычного права землевладельцев с новой буржуазной концепцией в разных ее вариантах. В 1859 г. вышла в свет книга Ф.М. Дмитриева о судебных инстанциях 1497–1775 гг. Одной из тем, затронутых автором, являлись судебные привилегии феодалов-землевладельцев. Ф.М. Дмитриев глухо заметил, что «вотчинниковы и помещичьи крестьяне судились своим вотчинником или помещиком на основании землевладельческого права»⁴⁸. Этим он в какой-то степени солидаризировался с теоретиками обычного права. Однако дальше Дмитриев целиком вставал на точку зрения Чичерина. Говоря о судебных привилегиях вообще, он утверждал: «... Все дело основывалось на одной милости»⁴⁹. «Драгоценное право не подлежать местной расправе» давалось, по словам автора, жалованными грамотами⁵⁰.

Характеризуя вотчинный суд монастырей и церкви, Дмитриев вслед за Чичериным рассматривал его только как источник дохода (судебных пошлин), «как облегчение в повинностях»⁵¹. В другом месте автор мотивировал выдачу несудимых грамот злоупотреблениями

⁴⁷ Наиболее значительные публикации: АЮБ. СПб., 1864. Т. II; Сборник П. Муханова. М., 1866. Вып. II; Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода. СПб., 1871. Прил.

⁴⁸ Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. С. 101.

⁴⁹ Там же. С. 103.

⁵⁰ Там же. С. 91.

⁵¹ Там же. С. 101. Ср. с. 73, 92, юо.

наместников и их агентов. «Недостатки древней администрации, которая была иногда чрезвычайно обременительна для лиц подвластных, – писал он, – повели к многочисленным исключениям из области подсудности»⁵².

Если в книге Дмитриева старая и новая концепции соединились чисто механически, а в основном автор поддерживал новую теорию (Б. Н. Чичерина), то в монографии В. А. Милютина компромиссная тенденция получила логическое обоснование. Исследование Милютина «О недвижимых имуществах духовенства в России» начало печататься в 1859 г.⁵³ Жалованным грамотам автор посвятил специальную главу⁵⁴. Милютин впервые дал систематическое и подробное изложение основных юридических норм, зафиксированных в жалованных грамотах, отметил составные части жалованных грамот XIV–XVII вв., рассмотрел разные формы подтверждения грамот. В этой же работе Милютин поместил главу, где описывалась внутренняя жизнь монастырских вотчин, – сбор податей с крестьян, организация суда над ними⁵⁵.

Автор, разумеется, не ставил перед собой цели путем такого двустороннего показа реально существовавших вотчинных порядков и их юридического оформления в жалованных грамотах прийти к каким-либо выводам относительно природы монастырского иммунитета. Двусторонняя характеристика получилась у Милютина стихийно – в силу его стремления описать наиболее полно землевладение и права духовных корпораций. Хотя автор и говорит о тесной взаимосвязи «явлений юридических» с явлениями «хозяйственными»⁵⁶, органического единства между отмеченными двумя главами нет. Основой финансовых и судебных привилегий церковно-монастырских корпораций Милютин считал жалованные грамоты. Не случайно разбор жалованных грамот предшествует у него анализу внутренних порядков, царивших в монастырских вотчинах.

Пытаясь выяснить «общие» причины выдачи жалованных грамот, Милютин апеллировал к теории обычного права⁵⁷. Однако, отмечая в декларативной форме всеобщий характер привилегий, утвердившихся в силу «обычного права», Милютин не распространял это положение на иммунитет духовных корпораций. Вотчинную власть монастырей и церкви Милютин рассматривал как результат пожалований со стороны княжеских и царских правительств, отрывая ее от феодальной собственности на землю. В предоставлении духовным учреждениям иммунитетных прав Милютин видел «обычай», который «получил начало свое в Греции». Основными причинами, побуждавшими носителей верховной власти к выдаче грамот монастырям, Милютин считал «любовь к вере» и «желание окончательно обеспечить содержание и благосостояние духовного сословия»⁵⁸. Конкретный разбор жалованных грамот дан Милютиным в метафизическом духе. Выводя средние нормы иммунитета XIV–XVII вв., автор совершенно не показал развития экономической и политической власти феодалов.

Рост компромиссных настроений в буржуазной историографии периода революционной ситуации объясняется ее страхом перед развернувшимся в стране народным движением.

⁵² Там же. С. 91.

⁵³ См.: Чтения ОИДР. 1859. Кн. IV; 1860. Кн. III; 1861. Кн. I–II. Далее даются ссылки на издание 1862 г. Работа эта была написана до 1855 г. (в 1855 г. В. А. Милютин погиб), но для нас важна ее роль в качестве печатного произведения.

⁵⁴ Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862. Гл. V. С. 165–272.

⁵⁵ Там же. Гл. VI.

⁵⁶ Там же. С. 273.

⁵⁷ Выдача грамот обуславливалась, по мнению Милютина, двумя главными факторами: во-первых, тенденцией «всех элементов тогдашнего общества» к корпоративности, во-вторых, «страдательным положением тогдашней законодательной власти, которая, при господстве обычая, служившего первоначально важнейшим источником права, не иначе могла обнаруживать свою деятельность, как только признанием юридических начал, образовавшихся независимо от нее, или же установлением в пользу известных, определенных лиц частных, специальных изъятий из общего, имевшего силу закона, обычая». Установление привилегий, продолжал далее Милютин, составляло «естественный и необходимый переход от господства обычного права к самостоятельности законодательной власти» (Милютин В. Указ. соч. С. 195). В Шульц несправедливо относит Милютина к числу тех, кто понимал привилегии исключительно как княжеские пожалования (Schulz W. Op. cit. S. 72 u. Anm. 71–72).

⁵⁸ Милютин В. Указ. соч. С. 165, 193–194, 220.

Попытка совместить признание исконности землевладельческих и иммунитетных прав светских феодалов с показом решающей роли государства в деле создания феодальных привилегий имела определенный классовый смысл. Она должна была привести к выводу о том, что помещичьи права – это древняя «частная собственность», которая требует уважения к себе и не может попирацца всеми и каждым: только государство располагает правом ее ликвидировать. Чисто буржуазная модернизация феодального строя в чичеринском духе в сочетании с подчеркиванием обычных прав землевладельцев оказалась удобным средством оправдания намеченной правительством реформы, причем именно в том виде, в каком она была задумана и впоследствии осуществлена на практике – буржуазной по содержанию, крепостнической по форме.

Логический прием, допускаявший это, строго говоря, эклектическое смешение теорий, состоял в довольно искусственном противопоставлении землевладения светских лиц землевладению духовных учреждений. Наиболее ясно указанные формы землевладения противопоставлялись в монографии Милютина. Гносеологически такое противопоставление было возможно вследствие крайне ограниченного понимания буржуазной историографией природы обычного права «благородных». Обычное право связывалось только с отсутствием или слабостью государственной власти в древности. Вместе с тем, определенная экономическая структура, порождавшая «обычные права» феодалов, игнорировалась.

Конечно, при такой методологии не представляло особенного труда отыскать принципиальную разницу между светским и духовным землевладением и объявить одно основанным на обычном праве, другое – на княжеской милости. Впрочем, историки, писавшие в 40-х годах, отличились здесь большей наблюдательностью. У Неволлина, например, нет указанного противопоставления (он отмечал, что судебные права духовенства «подтверждались» ханскими ярлыками). Значит, безусловно, на углубление идеалистической концепции иммунитета в конце 50-х – начале 60-х годов повлияла политическая обстановка в стране. Правоведы типа Милютина и Дмитриева заняли двойственную позицию. Признавая обычные права вотчинников и помещиков, они в центре исследования поставили все же государственную власть в роли создательницы иммунитетных привилегий, но сместили плоскость, в которой изучалась эта проблема, так, чтобы речь шла о политически менее острых вопросах, а к ним в середине XIX в. и принадлежала тема церковно-монастырского феодального землевладения, ликвидированного еще в XVIII в.

Исследование монастырских жалованных грамот стимулировалось, кроме того, их численным преобладанием над грамотами светским лицам и большим проникновением в печать. Однако само по себе это обстоятельство мало что объясняет. Для середины XIX в. как раз показательно отсутствие ясно выраженного стремления отыскивать и широко публиковать жалованные грамоты светским феодалам. Не случайно издания 60-х – начала 70-х годов вводили в научный оборот почти исключительно церковно-монастырские грамоты, чего нельзя сказать про «Акты Археологической экспедиции» и «Акты исторические», напечатанные в 30-х – начале 40-х годов.

Второе течение в историографии жалованных грамот, наметившееся в годы революционной ситуации, выросло из тех же тенденций, которые были источником уже рассмотренного первого направления. Только здесь все носило более последовательный характер. Исследователи второго направления совершенно не затрагивали проблему светского иммунитета, поэтому обходились как без концепции обычного права, так и без схемы Чичерина. Вообще второе течение отмечено упадком теоретической мысли. В центре его внимания находилась государственная власть, милостиво наделявшая привилегиями духовных феодалов. Во втором течении еще яснее, чем в книге Милютина, проявилось стремление буржуазной историографии показать церковь и государство в ореоле тесного единения и бескорыстной взаимной любви.

Эта дополнительная черта историографии конца 50-х – 60-х годов понятна в свете острой классовой борьбы периода подготовки и проведения реформы.

Буржуазная историография проповедовала союз церкви и государства, так как видела, что без достаточного идеологического нажима со стороны церкви государству трудно будет справиться с народным движением и осуществить реформу в том урезанном виде, какой ей придавали на практике помещики. Таким образом, в трудах историков второго направления для утверждения культа государства избиралась наиболее идеалистическая и вместе с тем претенциозная основа. Во время подготовки реформы начал печатать свою монографию самый видный представитель этого течения А. Н. Горбунов. Издание его исследования растянулось на 10 лет (с 1860 до 1869 г.)⁵⁹. Работа Горбунова явилась первым специальным научным трудом, целиком и полностью посвященным изучению жалованных грамот. Автор проанализировал свыше 200 опубликованных жалованных грамот XIII–XV вв. монастырям и церквям. По теме, трактовке церковно-монастырского иммунитета и методу исследования источников работа Горбунова близка к сочинению Милютина.

В представлении Горбунова иммунитет не был институтом определенной исторической эпохи. Приобретение привилегий духовными корпорациями Горбунов, подобно Милютину, считал византийским «обычаем», занесенным на Русь. До монгольского нашествия, – рассуждал автор, – единственным «основанием» предоставления церкви материальных преимуществ было благочестие князей. Со «времен монголов» появились и другие «основания»: во-первых, пример самих монголов, во-вторых, «желание заселить порожние земли... и получить с них скорее незначительный доход, чем не получить никакого» (модификация посылки С.М. Соловьева), в-третьих, стремление князей «к обузданию... варварских понятий», по которым князья были «вольны» по отношению к монастырям: хотели жаловали их, хотели – грабили⁶⁰.

Горбунов в наиболее откровенной форме развил идеалистический взгляд на феодальный иммунитет. Он усматривал источник феодального иммунитета в княжеском «благочестии», в княжеской «милости». Анализ содержания жалованных грамот носит у Горбунова такой же метафизический характер, как и в сочинении Милютина: автор дает свод юридических норм, зафиксированных в жалованных грамотах, и представляет его в виде чего-то застывшего, неизменного. Устанавливая «средние» нормы иммунитета XIII–XV вв., Горбунов не мог показать развития правового содержания жалованных грамот⁶¹. Печатью излишнего схематизма отмечена и предложенная Горбуновым первая в русской историографии развернутая классификация жалованных грамот. Достоинство ее состоит в том, что она в известной мере принимала во внимание деление жалованных грамот на акты, предоставляющие земельные пожалования, и акты, закрепляющие разного рода финансовые и судебные привилегии⁶².

Тематически и методологически к исследованию Горбунова примыкает вышедшая в конце изучаемого периода работа М. И. Горчакова, целью которой было доказать существование в древней Руси обоюдного уважения и согласия между представителями духовной и светской власти при верховенстве последней⁶³. Не случайно автор занялся изучением именно митрополичьего (а также патриаршего и синодального) землевладения. Его интересовал союз государства с главой церковной организации в России, т. е. тема, актуальная политически в конце 60-х – начале 70-х годов XIX в. Феодальные привилегии духовных корпораций автор

⁵⁹ Горбунов А. Н. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквям в XIII–XIV и XV веках // АИПС-2. СПб., 1860. Кн. I; СПб., 1863. Кн. V; СПб., 1869. Кн. VI.

⁶⁰ Горбунов А. Я. Указ. соч. // АИПС-2. СПб., 1860. Кн. I. С. 6–9.

⁶¹ Подробную и обоснованную критику классификационной схемы Горбунова дал Л. В. Черепнин (*Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 98–99).

⁶² Горбунов А. Н. Указ. соч. // АИПС-2. СПб., 1860. Кн. I. С. 6–7.

⁶³ Горчаков М. Указ. соч. С. 250, 253, 258; ср. выше, примеч. 47.

считал милостью князей, обусловленной необходимостью оградить церковно-монастырские вотчины от корыстолюбия и незаконных действий местных властей.

Льготы, по мнению Горчакова, распространялись не на все земли митрополии, а лишь на «отдельные участки». Прекращение действия грамоты приводило к тому, что прежде льготные земли «входили снова в те общие отношения к государству, из которых они были изъяты грамотою». Таким образом, жалованная грамота фигурировала в схеме Горчакова в роли создательницы иммунитета⁶⁴.

Большой интерес представляет третье течение в историографии жалованных грамот периода революционной ситуации 1859–1861 гг. Накануне отмены крепостного права проблема вотчинной власти феодалов была животрепещущим вопросом, к решению которого весьма своеобразно подошел один из видных теоретиков славянофильства К. С. Аксаков. В основе его концепции лежала мысль о господстве общинного начала в средневековой Руси. Аксаков отрицал факт существования феодальной собственности на землю: «Значение вотчинников не было значение собственников»⁶⁵. Вотчинник, по мнению Аксакова, являлся не господином, а должностным лицом, чем-то вроде наместника: «Вотчинник имел государственное значение и потому не был господином, баринном. Он был похож на тех мужей, которым в первой древности раздавали города в управление, даже на князей удельных»⁶⁶. В соответствии с этим взглядом К. С. Аксаков рассматривал все податные и судебные привилегии вотчинников как кормления, полученные ими от князей.

Свою точку зрения Аксаков изложил совершенно конкретно: «Есть выражение: *с судом и с данью*. Очевидно, что вотчинник судил крестьян и людей своих не своим произвольным, но установленным государственным судом и брал за суд определенные пошлины, в чем состояла выгода вотчинника»⁶⁷. Но раз вотчинник не был баринном, собственником, значит, крестьяне являлись свободными людьми. Разобрав многие жалованные грамоты, изданные в «Актах Археографической экспедиции» и в «Актах исторических», Аксаков кратко резюмировал: «Видно из актов, что крепостные деревни имели все права свободных»⁶⁸. Государство же в схеме Аксакова выступало в роли надклассовой силы. В итоге получалась, таким образом, иллюзия полной гармонии интересов государства и народа. Концепция Аксакова содержала в себе самое последовательное и прямолинейное отрицание факта наличия феодализма в древней Руси: отрицалась, во-первых, феодальная собственность на землю, во-вторых, экономическая и политическая власть феодалов в качестве атрибута феодальной формы земельной собственности. Использование жалованных грамот славянофилом Аксаковым имело ярко выраженную политическую заостренность⁶⁹.

Внешне концепции Чичерина и Аксакова представляли собой две взаимоисключающие крайности⁷⁰. Если Чичерин сводил феодальный иммунитет к частному праву, то Аксаков рассматривал иммунитетные привилегии лишь как проявление публичного права. Феодальные порядки модернизировались Чичериным по образцу чисто буржуазных отношений, теория же Аксакова идеализировала феодальный строй, изображая его свободным от частной собственности. Схема Аксакова возникла в качестве реакции на классовую борьбу крестьянства в условиях, когда отмена крепостного права стала исторически неизбежной. Между взглядами

⁶⁴ Там же. С. 251–254.

⁶⁵ Аксаков К. О состоянии крестьян в древней России // Соч. М., 1861. Т. I. С. 415.

⁶⁶ Там же. С. 416; ср. с. 417, 421.

⁶⁷ Там же. С. 416.

⁶⁸ Там же. С. 418; ср. с. 419–494.

⁶⁹ Об этом см.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. С. 661; ср. с. 583.

⁷⁰ О споре Чичерина со славянофилами по крестьянскому вопросу см.: Морозов И. Актовый материал на службе помещичье-буржуазной историографии (спор 1856 г. о сельской общине в России) // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. I. С. 130–162.

Аксакова и буржуазной теорией Чичерина было значительное внутреннее единство: культ государства, признание лишь его правомочным органом для осуществления реформы, точка зрения относительно важности для феодалов сеньориального суда только как доходной статьи, кормления. Вместе с тем, если Чичерин, отвергая тезис о публичном характере власти феодала в период «свободы» крестьян, подводил читателя к выводу, что в условиях «свободы» помещики не нужны в качестве организаторов народной жизни, то Аксаков своей теорией публичных функций помещика поднимал авторитет феодального сеньора, изображал его необходимым должностным лицом, а ренту и судебные пошлины – вознаграждением за исполнение общественной службы. Таким образом, по Аксакову, помещик должен был стать центральной фигурой в политической жизни пореформенного периода, руководителем и попечителем освобожденных крестьян. Создание дворянского института мировых посредников Аксаков поэтому вполне мог бы рассматривать как непосредственный вывод из его теории.

С теорией Аксакова совпадает в главных чертах концепция другого славянофила – И.Д. Беляева, выступившего в 1859 г. с известной монографией о крестьянах. Беляев считал русских крестьян равноправным классом общества вплоть до I ревизии и последующих законов Петра III и Екатерины II⁷¹. Признавая их гражданскую свободу, «полную собственность на землю»⁷², Беляев по существу отрицал наличие феодальной собственности на землю. В отличие от статьи 1850 г., где автор связывал вотчинные права на сбор пошлин с землевладением, в монографии 1859 г. привилегии, даваемые по жалованным грамотам, рассматривались как «исключение», не составлявшее общего правила⁷³. Источник свободы крестьян Беляев, в противоположность Чичерину, видел в их прямой связи с государством. Когда же в XVIII в. помещик стал ответственен за крестьян в податном отношении, с крестьянина «спали государственные непосредственные обязанности, а с тем вместе он утратил и все права как член государства», возникло «страшное разобщение крестьянина с государством, между им и государством стал господин»⁷⁴, манифест о вольности дворянства, порвав последнюю связь крестьян с государством, превратил их в полную частную собственность⁷⁵.

Считая определяющим в положении крестьян отношение их к государству, Беляев, естественно, не мог оценить иммунитет как форму феодального господства. По его мнению, право вотчинного суда и расправы второй половины XVII – начала XVIII в. «нисколько не уничижало гражданской личности крестьян»⁷⁶, «самим крестьянам суд владельца был не противен»⁷⁷. В основе этой концепции лежало представление о феодале как наместнике, агенте княжеской власти, опекуне – представление, наиболее четко сформулированное Аксаковым.

После реформы 1861 г. в рамках той общей схемы, которую выработала буржуазная историография во второй половине 50-х годов, мы не наблюдаем обилия новых вариантов теории иммунитета. Принципиально новой и плодотворной была лишь вскользь брошенная И. Е. Андреевским мысль о влиянии возникавшей крестьянской крепости на выдачу несудимых грамот. Андреевский не являлся сторонником старой теории автогенного происхождения иммунитета, он рассматривал наместничье управление как первичное по сравнению с привилегиями, как «общий закон и правило», которые постепенно (уже с XIV–XV вв.) подкапывались «частным законом, привилегией». В этом проявилась его принадлежность к государственной школе. Но причины предоставления жалованных грамот Андреевский освещал иначе, чем историки конца 50-х годов. Указывая главные «основания», вызвавшие появление жалованных

⁷¹ Беляев И. Крестьяне на Руси. 2-е изд. М., 1879. С. 71 и др.

⁷² Там же. С. 79.

⁷³ Там же. С. 43.

⁷⁴ Там же. С. 239.

⁷⁵ Там же. С. 283.

⁷⁶ Там же. С. 228.

⁷⁷ Там же. С. 225.

грамот, он писал: «Начавшие уже поселяться элементы крепости, начала фактической зависимости земледельцев от владельца земли, на которой они сидели, давали повод такому владельцу, вначале только приближенному к князю, а потом и каждому, который мог дойти до князя, просить об освобождении его земли и всех людей, ее населявших, от наместника... На этом же основании родился обычай, при пожаловании кого-нибудь землею, давать ему вместе с тем и освобождение от наместника»⁷⁸. «Общее правило наместничьего управления делается мало-помалу исключением и приводит к необходимости заменить его началом новым, которое бы более соответствовало новому порядку вещей», – говорит несколько выше автор⁷⁹. Значит, «частные законы», привилегии, создали «новый порядок вещей».

Подобные взгляды получают развитие только в 80-х годах, особенно в работах Сергеевича, впоследствии у Дьяконова. В 60-х же годах точку зрения Андреевского критиковал А.Д. Градовский с позиций славянофильской концепции. В 60-х годах под влиянием той крепостнической формы, в которую вылилось освобождение крестьян, в буржуазной историографии возобладала схема Аксакова. Наоборот, концепция Чичерина начала подвергаться критике. У Градовского наблюдается попытка примирить крайности мировоззрений Аксакова и Чичерина. Градовский не отрицал существования собственности землевладельцев на землю, но он отрывал от нее вытекавшие из феодальной структуры землевладения права.

Главная задача Градовского заключалась в попытке доказать ненужность революций в России в силу коренного отличия ее истории от истории стран Западной Европы. Идеалом государственной жизни Градовский считал непосредственные отношения между государством и народом.

В феодальной Европе таких отношений не было, так как между королем и народом стояло феодальное баронство, обладавшее реальной властью в провинции. Поэтому идея государственного единения была на Западе революционной идеей – без революции, т. е. без ликвидации власти местных феодалов, там нельзя было добиться приближения народа к центральной власти. В Московской же Руси земельные собственники не приобрели значения местной власти, здесь господствовало земское начало и самоуправление, существовала близость народа к правительству. Революция, значит, России не нужна: достаточно вернуться к прежнему земскому духу, а после раскрепощения сословий это получается само собой; сословное деление, бывшее результатом временного закрепощения сословий, теперь теряет свой смысл, открывается дорога к бессословному обществу⁸⁰. Таким образом, Градовский шел в русле идей буржуазно-помещичьего либерального земского реформаторства 60-х годов. Какими же аргументами доказывал он отсутствие политической власти у русских средневековых землевладельцев?

Градовский механически разделял права феодала по отношению к крестьянам на две группы: 1) экономические права, вытекавшие из поземельных отношений (оброк и т. п.), которые не давали владельцу никакой политической власти⁸¹; 2) привилегии, жаловавшиеся грамотами в порядке исключения, которые носили характер кормления, не связанного с самим правом земельной собственности⁸². Таким образом, отношения буржуазной аренды, с одной стороны, система государственного кормления – с другой, – вот картина социально-политических отношений в русской деревне удельного времени по Градовскому. Появление жалованных грамот Градовский объяснял, во-первых, кормовым значением привилегий, во-вторых, жела-

⁷⁸ Андреевский И. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С. 32.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Градовский А.Д. История местного управления в России. СПб., 1868. Т. I. С. 23, 29, 131, 381–384 и др.

⁸¹ Там же. С. 12, 23, 131.

⁸² Там же. С. 21, 25, 26, 122.

нием ограничить власть наместников⁸³. С созданием централизованного государства, по мнению Градовского, роль феодалов как органов местной власти совершенно упала⁸⁴. Концепция иммунитета, развитая Градовским, была направлена против теории автогенного иммунитета Неволлина, отчасти против взглядов Чичерина и Андреевского. В основе его теории иммунитета лежала схема Аксакова.

Русские сознательные и стихийные последователи Аксакова не случайно увлеклись именно в 60-х годах теориями немецких буржуазных правоведов – Г.-Ф. Пухты, Р. Иеринга, К. Ф. Эйхгорна и др. Крепостнические пережитки в России и Германии в обстановке довольно активной политической борьбы за буржуазные реформы порождала там и здесь весьма близкие по своей природе попытки противопоставить политической борьбе различные формы идеологии, якобы отстаивавшей «...интересы человеческой сущности, интересы человека вообще, человека, который не принадлежит ни к какому классу и вообще существует не в действительности, а в туманных небесах философской фантазии»⁸⁵. Схемы перечисленных немецких историков-правоведов как раз и строились на философской абстракции, ведшей исследователей к полному самоустранению от анализа социальной сущности юридических порядков прошлого.

Концепции Пухты, Иеринга и Эйхгорна послужили теоретической базой для вышедшей в 1869 г. работы Н. Л. Дювернуа об источниках права и суде в древней Руси. Дювернуа примирял теорию обычного права, толкуемого в духе немецкого идеализма, с культом государственной власти. Он утверждал, что сущность обычного права объясняется выдвинутым Пухтой тезисом – «не из действий рождаются убеждения, а из убеждений действия»⁸⁶. Такая трактовка требовала считать само обычное право продуктом абстрактно взятого человеческого разума, т. е. в конечном счете результатом государственного правотворчества⁸⁷. Работа Дювернуа показала возможность органического сосуществования концепций Аксакова и клерикалов типа Горбунова и др. Дювернуа возражал против выдвинутого Чичериным отождествления политических прав феодалов с частной собственностью и вслед за Аксаковым рассматривал землевладельца как княжеского наместника. Вместе с тем Дювернуа целиком поддерживал развитие Чичериным положение о том, что иммунитет – личная милость князя: «Жалованные грамоты имеют характер в высшей степени случайный и обуславливаются чаще всего личной милостью»⁸⁸. В качестве мотивов выдачи жалованных грамот Дювернуа называл уже отмечавшиеся Милютиным и Горбуновым основания: во-первых, благочестивые цели, во-вторых, стремление «увеличить количество податных сил».

Итак, изучение жалованных грамот в период революционной ситуации имело актуальное политическое значение. Именно тогда появились первые специальные труды (Горбунова, Милютина, Аксакова), целиком или в значительной своей части посвященные жалованным грамотам. Работы, вышедшие на рубеже 60-х и 70-х годов (Дювернуа, Горчакова), уже не представляли собой систематических обзоров правового содержания жалованных грамот⁸⁹.

⁸³ Там же. С. 26–27.

⁸⁴ Там же. С. 28.

⁸⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 452.

⁸⁶ Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. М., 1869. С. 5.

⁸⁷ У Пухты это правотворчество представлено в виде отражения народного мнения. Говоря, что обычное право есть убеждение всего народа, Пухта рассматривал законодателя как выразителя правового сознания народа в целом (*Puchta G. F. Das Gewohnheitsrecht. Erlangen, 1828. Th. 1. S. 145*). Таким образом, в государственном законодательстве Пухта видел осуществление воли не господствующих классов, а всего народа, он отождествлял законодательство с народным правосознанием. В. И. Сергеевич справедливо писал, что теория Пухты «не может быть... названа действительно исторической» (*Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 79*). Сергеевич тонко подметил сходство концепции славянофилов с теорией Пухты: «Славянофильское воззрение на народ как на хранилище народной правды стоит в самой тесной связи с этой немецкой теорией» (Там же).

⁸⁸ Дювернуа Н. Указ соч. С. 262; ср. С. 263, 350.

⁸⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. С. 662.

Рост интереса к жалованным грамотам в годы революционной ситуации и спад его с 1862–1863 гг. находятся в связи с аналогичными явлениями в других отделах русской дипломатики. Так, 1861 г. оказался кульминационным моментом увлечения ханскими ярлыками, после которого они специально не изучались вплоть до XX в. Ханские ярлыки ярко отражали систему феодальных прав и привилегий. Но не только этим привлекали они внимание буржуазных источниковедов. Крепостное право XIX в. в какой-то мере ассоциировалось с порабощением народа иностранцами⁹⁰, поэтому исследование ханских ярлыков накануне отмены крепостного права было не менее актуальным, чем изучение жалованных или губных грамот⁹¹. А. А. Бобровников, издавший свою работу в 1861 г., связал вопрос о ярлыках с вопросом о так называемых монгольских подписях на русских актах. Он пришел к выводу, что эти подписи были сделаны не монгольскими чиновниками, а митрополичьими дьяками. С установлением этого факта, заключал Бобровников, «падает и вся теория о контроле ханских чиновников над нашими внутренними и частными делами»⁹².

Категорический вывод Бобровникова относительно свободы России от татарского ига явно перекликался с заявлениями Аксакова о свободе крестьян от крепостного права в древней Руси. Буржуазная историография периода революционной ситуации упорно искала свободу в прошлом, чтобы обосновать необходимость освобождения в настоящем. Сходные тенденции проявились и в дипломатике частных актов⁹³. Н.В. Калачов, публикуя и анализируя четыре порядных грамоты конца XVII в., стремился, подобно Аксакову, обосновать мысль о существовании известной свободы крестьян⁹⁴. После реформы изучение частных актов надолго заглохло (до 90-х годов XIX в.).

Подготовка реформы повлияла и на понимание национального аспекта проблемы происхождения иммунитета. Возникла трактовка иммунитета как обычая, привнесенного из-за границы (Милютин, Горбунов). Годы революционной ситуации характеризуются расширением кругозора русской историографии. Поиски новых путей развития страны заставляли серьезно оглянуться на историю и пример других государств. С правдоподобными теориями естественно-исторической школы, доказывавшей самобытное происхождение русских институтов, было в основном покончено. Реформа развеяла в какой-то мере представление об исключительно самобытном пути развития России. Стали отыскивать все с большей и большей тщательностью общие моменты истории западных стран и Руси. В связи с увлечением иностранной историей, иностранными источниками и попытками рассмотреть судьбу России в свете мировой истории появилось новое преувеличение роли переводных византийских и западных сочинений, а также иностранных обычаев на Руси⁹⁵. Это отрицательно сказалось на трактовке происхождения иммунитета, однако имело и некоторое положительное значение: русский иммунитет был, наконец, назван словом «иммунитет» (в работах 1869–1871 гг. – Н.

⁹⁰ Русские крепостники особенно напоминали иностранных господ своим противопоставлением себя народу – одеждой, широким употреблением французского языка и др. – противопоставлением, которое усиливалось по мере того, как крепостничество приобретало (с XVIII в.) отдельные черты рабовладения. Имитация характерной особенности рабства (национального различия рабовладельца и раба, не дававшего «равенства» их даже «перед Богом») было возможно только в условиях загнивания феодального строя.

⁹¹ Губные грамоты, как и судебные акты, впервые обратили на себя серьезное внимание в период расцвета классовой борьбы крестьянства в 40-х годах XIX в. В годы революционной ситуации изучались не только грамоты, дававшие пример организации борьбы с «разбойниками» (губные), но и устанавливавшие обычные отношения власти и населения (уставные наместничьи), что крайне интересовало буржуазных правоведов в связи с намечавшимися в результате отмены крепостного права переменами в сторону усиления функций государственной власти на местах (см. Очерки истории исторической науки. Т. II. С. 664).

⁹² Бобровников А. А. О монгольских подписях на русских актах (письмо к В. В. Вельяминову-Зернову) // Изв. имп. Археологического общества. СПб., 1861. Т. III. С. 24.

⁹³ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. С. 665–667.

⁹⁴ Там же. С. 666.

⁹⁵ Там же. С. 585–586.

Дювернуа⁹⁶ и М. Горчакова⁹⁷) и данным определением ставился в ряд аналогичных явлений, известных истории других стран.

Интересен развивавшийся в конце 50-60-х годов тезис об исключительном, случайном характере выдачи жалованных грамот и обусловленности ее лишь милостью князей. Здесь был совершенно искажен подлинный смысл выдачи жалованных грамот. Вместе с тем из рассматриваемого тезиса мог быть сделан один правильный вывод: жалованные грамоты играли политическую роль, устанавливая определенные отношения между правительством и влиятельными феодалами. Конечно, еще Неволин расценивал выдачу жалованных грамот как ограниченную *политику* княжеских правительств. Однако у него была намечена лишь самая общая причина предоставления иммунитетных актов. В историографии же изучаемого периода предполагались априори каждый раз особые причины выдачи жалованных грамот, хотя понимались они крайне идеалистически и на деле совершенно не исследовались, оставаясь тоже общей фразой.

Подспудное угадывание более конкретного политического значения жалованных грамот связано с общей перестройкой русского источниковедения в годы революционной ситуации. Преувеличение роли государственной власти породило большее внимание к ее политике, чаще стали говорить о политических причинах возникновения отдельных памятников. Это особенно заметно обнаружилось в историографии летописей. Если в 50-х годах И. И. Срезневский и М. И. Сухомлинов считали, что летописи создавались просто из потребности помнить, ради чистой истины, то уже Н. И. Костомаров в 1862 г. подчеркивал политические мотивы составления летописей⁹⁸.

Коснемся, наконец, методики изучения жалованных грамот в конце 50-х – начале 70-х годов. Наряду с обычным иллюстративным методом, проявившимся в трудах Аксакова, Дювернуа, Горчакова, в источниковедение жалованных грамот проник метод «сводных текстов», который был основан в 40-х годах XIX в.⁹⁹, а затем получил широкое распространение, повлияв на источниковедение не только юридических¹⁰⁰, но и литературных¹⁰¹ памятников. Сводные нормы иммунитета выводились в специальных трудах, посвященных жалованным грамотам (Милютин, Горбунов).

Сводные тексты представляли собой определенный, усовершенствованный тип иллюстративности в источниковедении. Они давали обобщение юридических норм, но обобщали статьи разновременных памятников, не показывая их развития. Подобные приемы анализа источников – типичная черта буржуазной историографии.

Критикуя одного из наиболее видных представителей немецкой исторической школы – Г. Маурера, Энгельс указывал на «остатки» у него «юридической узости, которая мешает ему всякий раз, когда дело идет о понимании *развития*»¹⁰². Отмеченная Энгельсом «привычка»

⁹⁶ Дювернуа Я. Указ. соч. С. 261.

⁹⁷ М. Горчаков глухо заметил, что по ханским ярлыкам митрополиты приобретали «*jus immunitatis*», т. е. право иммунитета (Горчаков М. Указ. соч. С. 250).

⁹⁸ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. С. 576–577.

⁹⁹ Калачов Н. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846; Ерлыков В. Сличенный текст всех доселе напечатанных губных грамот XVI и XVII века. М., 1846.

¹⁰⁰ Высоцкий Ф. Уставные, судные и губные грамоты. СПб., 1860; Загоскин Я. Уставные грамоты XIV–XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления. Казань, 1875. Вып. I; Казань, 1876. Вып. II; Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895; Сомов Л. Опыт систематического изложения материала уставных грамот, определяющих порядок местного правительственного управления в Московском государстве: Работа из семинария проф. М. В. Довнар-Запольского. Киев; Пг., 1914; Сводный текст крестьянских порядных XVI века / сост. слушательницами С.-Петербургских Высших женских курсов. СПб., 1910.

¹⁰¹ Сводная летопись, составленная по всем изданным спискам летописи Л. И. Лейбовичем. СПб., 1876. Вып. I: Повесть временных лет; ср. также условное разделение сочинений митрополита Даниила на искусственные группы в книге В. Жмакина (Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881).

¹⁰² Энгельс Ф. Письмо к К. Марксу от 15 декабря 1882 г. // Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М., 1952. С. 147.

Маурера «приводить доказательства и примеры из всех эпох рядом и попеременно»¹⁰³ характеризует подавляющую массу буржуазных историков XIX в. Юридическая школа, развивавшаяся очень интенсивно в середине XIX в., была большим шагом вперед по сравнению с чисто описательными направлениями и их внешней противоположностью – «скептической» школой. Юридическая школа занималась по мере своих сил и возможностей установлением основной сути источников, отделением главного от неглавного, стремилась выяснить типичное. В то же время она не могла действительно научно раскрыть проблему типичного в источнике, так как не учитывала необходимости конкретно-исторического исследования исторических памятников и подчас обобщала явления, характерные для нескольких веков, выводя тем самым не существовавшие в действительности средние нормы.

Сводные тексты были схемой, которая помогала четче представить себе характер юридических норм, заключенных в грамотах, однако в ней вполне конкретные и одновременные акты заменялись голой абстракцией, фикцией никогда не существовавшего документа. Сводные тексты имели свое оправдание и некоторое положительное значение в моменты их возникновения, но вместе с тем, возведенные юридической школой в догму, они тормозили дальнейшее исследование актов с конкретно-исторических позиций.

70-е годы XIX в. отмечены спадом интереса к актовому источниковедению вообще и к жалованным грамотам в частности. После крестьянской реформы во всех отделах актовом источниковедения, за исключением дипломатики уставных грамот, наблюдалось затишье. Издание жалованных грамот также почти заглохло¹⁰⁴. Слабое внимание к жалованным грамотам в 70-х годах объясняется тем, что исследования конца 50-х – 60-х годов в основном выполнили те актуальные научные и политические задачи, которые стояли перед буржуазной историографией жалованных грамот в связи с отменой крепостного права и другими буржуазными реформами. Еще в начале 80-х годов Д.М. Мейчик писал: «Содержание жалованных грамот и общее значение их в хозяйственно-правовом быту древней Руси выяснены так полно, что в этом отношении едва ли остается чего-нибудь желать...»¹⁰⁵. Он же выражал господствующую точку зрения, разделяя нигилистическое мнение Горбунова о бесполезности дальнейшей публикации жалованных грамот¹⁰⁶.

Тем не менее, новые проблемы, назревшие в ходе развития русской исторической мысли к 80-м годам, потребовали продолжить исследование жалованных грамот. В первой половине 80-х годов участилась их публикация¹⁰⁷. Вторая половина 80-х годов прошла под знаком почти полного отсутствия новых публикаций жалованных грамот. Возможно, это стоит в связи с крайней правительственной реакцией, открыто проявившейся в середине 80-х годов XIX в. В 1885 г. власти отпраздновали столетний юбилей екатерининской жалованной грамоты дворянству, после чего для правительства стало нежелательным появление в печати старинных жалованных грамот, которые в свете историографии середины XIX в. (особенно славянофильской) легко можно было истолковать как документы, дающие всякие льготы и свободы представителям разных сословий, в том числе крестьянам¹⁰⁸. В условиях нового усиления внеэко-

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Они печатались лишь в некоторых описаниях монастырей. Более заметные публикации: РИБ. СПб., 1875. Т. II; Сборник Хилкова. СПб., 1879.

¹⁰⁵ Мейчик Д. М. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883. С. 5.

¹⁰⁶ Там же. С. 4: «Горбунов имел полное право сказать, что от дальнейшего печатания жалованных грамот нельзя ожидать каких-либо существенных дополнений к тому, что известно было из напечатанных до того образцов».

¹⁰⁷ Княжеские и царские грамоты Ярославской губернии. М., 1881; АЮБ. СПб., 1884. Т. III; Токмаков И. Ф. Историко-статистическое описание города Киржача. М., 1884, и др.

¹⁰⁸ И. И. Дитятин, посвятивший в 1885 г. специальную статью «жалованным грамотам» 1785 г., поставил вопрос о причинах празднования их столетнего юбилея (Дитятин И. И. К истории «жалованных грамот» дворянству и городам 1785 года // Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 49–53). Он подчеркнул, что в дворянской среде получила широкое распространение новая тяга к сословности. «И.С. Аксаков... – писал Дитятин, – проектирует теперь выделение дво-

номического принуждения и возврата к пережиткам барщины такая трактовка противоречила бы интересам реакционных помещиков. Не случайно в провинциальной прессе (губернских и епархиальных ведомостях), где задавали тон местные землевладельцы и зависевшие от них церковники, жалованные грамоты почти совсем не печатались не только в 80-х, но уже и в 70-х годах XIX в.

На источниковедение жалованных грамот в 80-х годах решающее влияние оказали два обстоятельства: во-первых, возникновение экономического направления в русской буржуазной историографии, во-вторых, новое усиление крепостничества в деревне. Экономическое направление, обусловленное дальнейшим ростом капиталистических отношений в стране, было шагом вперед в развитии буржуазной науки, хотя и это течение не давало материалистического объяснения истории. Новым в подходе представителей экономического направления к историческому процессу являлось стремление выяснить объективные закономерности, отличные от таких общих и в значительной мере внешних факторов, как географическая среда и правотворчество государства. Экономическое направление было далеко от рассмотрения производственных отношений в качестве основы экономической жизни общества. «Экономизм» этого течения заключался лишь в интересе к проблемам товарного обращения¹⁰⁹ и к юридическому статусу различных форм частной собственности в средневековой Руси¹¹⁰.

Усиление крепостнических пережитков в сельском хозяйстве определило новую постановку вопроса о том, может ли государство просто уничтожить феодальные права, а следовательно, оно ли было источником этих прав, не кроются ли они в более объективных факторах. Таким образом, оба отмеченных момента подготовили почву для пересмотра проблемы жалованных грамот в плане поисков объективных причин их выдачи. Уже В. О. Ключевский, рассматривая феодальные привилегии как результат передачи вотчиннику князем части правительственных функций, особо отмечал при этом роль земельной собственности: «...землевладение все более становилось главным экономическим средством обеспечения их (духовенства и военно-служилого класса – С. К.) общественного положения. Привилегии, бывшие последствием их господствующего положения в обществе, теперь также переносились на эту экономическую основу»¹¹¹. Ключевский, однако, не понимал, что именно феодальная земельная собственность порождает те порядки, которые выступают потом в виде привилегий.

Для Ключевского характерна модернизация феодальных отношений удельного времени. Он мыслил их по существу как разновидность отношений буржуазного общества. Так, Ключевский считал, что удельный князь – это не политический правитель, а хозяин: отношения между ним, с одной стороны, черными крестьянами, вольными слугами и боярами – с другой, строятся на основе частного договора¹¹². Качественного различия в положении крестьян как эксплуатируемого класса, бояр и вольных слуг как класса эксплуататорского для Ключевского не существовало. Бояре и вольные слуги в его концепции – арендаторы земли у князя, отсюда и иммунитет – результат аренды: «...преимущества, которыми они пользовались, были

рянства в особое сословие, опираясь на „идеалы чести“, свойственные дворянству...». «Какой „идеал чести“, – восклицает далее автор, – может быть выше идеала общего блага? Неужели у дворян нет ничего общего с остальными классами населения? Неужели их идеал ничего общего не имеет с идеалами всех?» Весьма показательна мысль Дитятина о том, что «если, наконец, этот особый идеал есть, то не следует его так ревниво монополизировать, нужно делать его, по возможности, общим идеалом, внести его туда, откуда, века назад, дворянство было выделено...» (Там же. С. 104). Полемика И. И. Дитятина с И. С. Аксаковым отражает борьбу буржуазной идеологии с дворянской. Как видим, логика именно буржуазного социолога вела к противопоставлению жалованной грамоте 1785 г. более древних жалованных грамот разным сословиям.

¹⁰⁹ См. например: *Ключевский В.* Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему. М., 1884.

¹¹⁰ См. *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889; *Никитский А. И.* Заметки об издании новгородских писцовых книг // ЖМНП. 1880. Ч. 212, декабрь. В 80-х годах Никитский изучал хозяйственную жизнь Великого Новгорода (*Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода // Чтения ОИДР. 1898. Кн. I, раздел IV. С. 1–228 (посмертное издание)).

¹¹¹ *Ключевский В.* Боярская дума древней Руси. М., 1882. С. 121–122.

¹¹² *Ключевский В. О.* История сословий в России. М. 1886. С. 71–75.

не столько политическими или гражданскими правами, сколько хозяйственными выгодами, которыми князь вознаграждал их за оказываемые ему услуги»¹¹³.

Таким образом, близость Ключевского к Чичерину состоит в признании иммунитета частным правом. Но, если у Чичерина иммунитет – лишь милость князя, имеющая, к тому же, не «хозяйственное», а чисто фискальное значение, то у Ключевского он – следствие определенного хозяйственного договора между князем и частным собственником. Модернизация феодального строя пошла здесь гораздо дальше. Ключевский правильно уловил элемент договорных отношений в практике выдачи иммунитетных грамот, но этот элемент он трактовал в свете представлений о буржуазном хозяйственном укладе, искажая тем самым сущность взаимоотношений между феодалом и феодальным государством.

Поиски объективных причин выдачи жалованных грамот наблюдаются и в монографии Н. Ланге, изданной в 1882 г., когда под воздействием роста крестьянского движения правительство делало видимость попыток облегчить положение крестьян (подготовка отмены выкупных платежей и подушной подати), но в то же время исподволь начинало поход против реформ 60-х – 70-х годов, Н. Ланге как представитель того либерального общества, которое, выражаясь словами В. И. Ленина, легко давало себя «дурачить» кабинету графа Игнатьева, отразил в своей книге обе господствующие тенденции. С одной стороны, он сочувственно говорил о тяжелом положении крестьян в XIV–XVI вв. и «ярме» лежавших на них податей и повинностей¹¹⁴. С другой – Ланге явно идеализировал смесные суды в качестве формы суда «скорого и правого»¹¹⁵.

Ланге не являлся поклонником вотчинного суда. Он утверждал, что вотчинное тягло и вотчинный суд были не лучше, «если не хуже», государственных¹¹⁶. В то же время, в отличие от либералов 60-х – 70-х годов, идеализировавших земские и губные органы, считая их известным образцом выборных учреждений, Ланге весьма скептически расценивал результаты губной реформы, отрицал ее эффективность¹¹⁷. Вообще своим противопоставлением древних смесных судов современным ему порядкам¹¹⁸ автор ратовал за компромисс вотчинной власти с государственной, а *выборные* учреждения уже не признавал действенным средством борьбы с «разбоями». Буржуазные либералы 80-х годов, напуганные размахом народного движения, фактически сами намекали на необходимость контрреформ. Установление института смесного суда Ланге считал выходом из тяжелого юридического положения, существовавшего в древней Руси XIV–XVI вв. Самую выдачу жалованных грамот Ланге рассматривал с тех же позиций, объясняя ее общим тяжелым финансовым и судебным положением крестьян: «С одной стороны, обременение народа пошлинами и повинностями... с другой – недовольство судом наместников, волостелей и их тиунов, постоянно давали владельцам населенных имений благовидный повод просить князей об освобождении их крестьян от тягостных поборов, о даровании им, владельцам, права самостоятельного суда в своих вотчинах. Такие просьбы не только уважались, но нередко владельческие крестьяне освобождались даже от платежа княжеской дани на урочное число лет. Вообще стремление обособиться, получить льготу от общего суда,

¹¹³ Там же. С. 82–83.

¹¹⁴ Ланге Н. Древние русские смесные или вобчие суды. М., 1882. С. 11–16.

¹¹⁵ «Самое судоговорение было необыкновенно логично и просто, без всякого излишнего многословия и многописания» (Ланге Я. Указ. соч. С. 228).

¹¹⁶ Ланге Я. Указ. соч. С. 21, 23.

¹¹⁷ Там же. С. 18.

¹¹⁸ «...Наша старина не знала нескольких решений и приговоров по одному и тому же делу, так называемых неокончательных, которые бы отменялись или изменялись высшими судебными инстанциями... Решение и приговоры произносились по каждому делу только один раз и действительно имели непоколебимую силу закона... при смесных судах требовалось, чтобы решение постановлялось единогласно, а не по большинству голосов, хотя бы смесных судей и было более двух» (Ланге Я. Указ. соч. С. 229). Ланге ошибается, считая, что на Руси не было «пересуда».

было повсеместным в рассматриваемое нами время и составляло естественное следствие господствовавших тогда неурядиц и бесправия»¹¹⁹.

Ланге явился, таким образом, одним из основателей «челобитной» теории происхождения жалованных грамот¹²⁰. Новизна и преимущества концепции Ланге заключались в следующем: во-первых, автор искал общие экономические предпосылки выдачи жалованных грамот; во-вторых, он учитывал тяжелое положение крестьян и заинтересованность феодалов в более широких формах их эксплуатации; в-третьих, он не считал жалованные грамоты в целом действенным средством улучшения жизни самих крестьян, так как отмечал обременительность внутривотчинного суда и тягла (идеализация смесных судов строилась на том, что они не были исключительно вотчинными). Вместе тем, идеалистические концепции и метафизический метод исследований конца 50-х – 60-х годов получили в схеме Ланге новые теоретические подкрепления. За «общей» картиной юридического быта автор не видел неравномерностей экономического развития разных частей России, поэтому существование уделов казалось ему поверхностным явлением, а все различия в жалованных грамотах разных мест и разного времени характеризовались им как несущественные¹²¹. Отсюда у него тенденция рассматривать жалованные грамоты метафизически, не исследуя диалектику их содержания.

Внешним показателем метафизического подхода Ланге к жалованным грамотам было широкое использование в его книге метода сводных текстов¹²². Идеалистически изображалась в этой схеме и роль государства, которое якобы пассивно, совершенно автоматически выдавало жалованные грамоты в ответ на просьбы челобитчиков. Государство теряло в такой интерпретации характер надстройки, активно относящейся к своему базису, представлялось не политической организацией, а бесстрастным распределителем льгот, вполне равнодушным к вопросу о том, кому оно их дает. Политическое значение жалованных грамот как документов, исходящих от лица государства, сводилось к нулю¹²³. Считая государство пассивным распределителем льгот, Ланге хотел показать, что жалованные грамоты создавали привилегии вотчинников в какой-то степени независимо от воли самого государства, в силу общей необходимости. Однако при этом основной тезис буржуазной историографии середины XIX в., провозглашавший жалованные грамоты и их составителя – государство – творцами феодальных привилегий, оставался в неприкосновенности.

Отрицание политического значения жалованных грамот связано с чисто буржуазным пониманием роли государства, которое в представлении буржуазных идеологов должно было только защищать интересы частных «организаторов хозяйства» и держаться принципа невмешательства в хозяйственные дела, пока речь не заходила о подавлении классовый борьбы трудящихся.

В трактовке жалованных грамот к Ланге был близок историк-правовед В. И. Сергеевич. Подобно Ланге и Дитятину, он преувеличивал значение челобитий как двигателей законодательной мысли¹²⁴ и в то же время гиперболизировал диктаторские возможности централизованного государства XV–XVII вв.¹²⁵ Жалованные грамоты Сергеевич считал источником льгот

¹¹⁹ Ланге Я. Указ. соч. С. 21

¹²⁰ Сходные взгляды развивал и писавший в это же время И. И. Дитятин, который рассматривал жалованные грамоты только как ответ царя на просьбу, «челобитье» {Дитятин И. И. Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства // Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. С. 277}.

¹²¹ Ланге Н. Указ. соч. С. 4, 8.

¹²² Там же. С. 181–195 и др.

¹²³ Этому противоречил уже конкретный разбор автором нескольких жалованных грамот на одни и те же владения, из которого становилась ясной ограничительная (т. е. активная) роль новых жалованных грамот (Ланге Я. Указ. соч. С. 66–68, 92 и др.).

¹²⁴ Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 597–598.

¹²⁵ Там же. С. 57–58.

и привилегий¹²⁶. Вслед за Ланге Сергеевич говорил о всеобщем порядке предоставления судебных привилегий разным лицам. «Думаем так потому, – писал он, – что в числе пожалованных встречаются Ивашки и Федьки. Можно ли допустить, что большие люди, имена которых писались с «вичем», имели менее прав и привилегий, чем эти Ивашки, жалованные грамоты которых случайно сохранились до наших дней»¹²⁷.

Сергеевич впервые в русской историографии выдвинул предположение, что право вотчинного суда не было уничтожено (до отмены крепостного права): «... С прикреплением крестьян оно вошло в состав крепостного права»¹²⁸. Таким образом, Сергеевич верно угадал присущность иммунитета феодальному землевладению в общем порядке, однако он отводил жалованным грамотам и государственной власти роль создателей этого порядка. Как и в схеме Ланге, у Сергеевича жалованные грамоты приобретали значение механических фиксаторов вновь возникавших привилегий и служили только этой цели, ибо без грамоты, по Сергеевичу, нет и привилегий¹²⁹. Преувеличивая «экономическую» роль жалованной грамоты, наделяя ее законодательной функцией творца иммунитета, автор крайне снижал значение действительных экономических закономерностей развития феодального общества, ибо иммунитет существовал и независимо от грамот, в силу самой структуры феодальной формы собственности на землю. Гиперболизация «экономической» роли жалованных грамот сочеталась у Сергеевича с полным игнорированием их политической роли. Однако при отрицании политического значения жалованных грамот становилось теоретически необъяснимым то обстоятельство, что сохранились жалованные грамоты отнюдь не всем землевладельцам и отнюдь не на все земельные участки. Выход из этого положения оказался очень простым и внешне бесспорным: сохранившиеся жалованные грамоты были объявлены лишь случайным остатком того огромного их общего количества, которое до нас не дошло. Такая постановка вопроса заранее дискредитировала всякие попытки и самую идею конкретно-исторического исследования жалованных грамот.

Помимо концепций Ланге и Сергеевича, в 80-х годах XIX в., особенно во второй половине десятилетия, не без влияния усилившейся реакции, возникли теории, объяснявшие появление иммунитетных грамот только интересами и волей государства. Подробное освещение проблема жалованных грамот получила в работе Д. М. Мейчика. Автор изучил многие разновидности актовых источников XIV–XV вв. и представил известный итог развития метафизической буржуазной дипломатики 40-х – начала 80-х годов XIX в. Мейчик считал свою работу политически актуальной. Например, при постановке вопроса о родовом выкупе, он, намекая на отмену выкупных платежей и другие мероприятия, указывал: «В наше время, когда предстоит преобразование всего гражданского кодекса, подобные изыскания особенно полезны»¹³⁰. Вместе с тем, в обстановке реакции автор боялся быть обвиненным в увлечении экономическими теориями. После замечания насчет причин предоставления жалованных грамот Мейчик писал: «...Жестоко ошибется тот, кто подумает, что они (предположения Мейчика. – С. К.) были результатом каких-нибудь предвзятых экономических теорий»¹³¹. С Ланге и Сергеевичем Мейчика роднило признание государства источником льгот и привилегий, поиски «объективных» мотивов выдачи жалованных грамот, игнорирование их политической роли. Но в

¹²⁶ Там же. С. 169, 484, 601. В одном месте Сергеевич, правда, отметил: «Вотчинникам принадлежало право сбора мостовых пошлин в пределах их владений. Это право возникало иногда на основании жалованных грамот, а иногда в силу обычая, без всяких грамот» (Там же. С. 948). Однако приведенное замечание Сергеевича о мостовых пошлинах несколько не меняло его общей концепции.

¹²⁷ Сергеевич В. Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. I. С. 30.

¹²⁸ Там же. С. 331.

¹²⁹ «...привилегии вольных слуг возникают каждый раз в силу особой жалованной грамоты...» (Там же).

¹³⁰ Мейчик Д. М. Указ. соч. С. V.

¹³¹ Там же. С. VIII.

отличие от Ланге, который усматривал общую первопричину появления жалованных грамот в хозяйственных и юридических неурядицах, Мейчик под впечатлением финансовых трудностей в стране и новой финансовой политики 80-х годов, объявившей сбор налогов и пошлин превыше всего, свел проблему происхождения жалованных грамот к вопросу о фискальных интересах княжеских правительств.

Усиливая один из тезисов Горбунова и Дювернуа, взятый ими в модифицированной форме у Соловьева, Мейчик объяснял происхождение жалованных грамот желанием правительства заселить пустующие земли и превратить их в «цветущие луга и поля», с тем, чтобы с них можно было собирать казенные доходы¹³². Автор крайне гиперболизировал возможности правительства. В его толковании жалованные грамоты – не документы, фиксирующие какие-то реальные или в силу определенных условий неизбежные отношения господства и подчинения, а документы, создающие известный юридический статус, который прекращается сразу после потери жалованной грамотой значения действующего юридического акта¹³³.

Отличие концепции Мейчика от предшествующих заключалось лишь в том, что этот юридический статус он считал выгодным не грамотчику, а княжеской казне, и видел «мало льготного в так называемых освободительных грамотах»¹³⁴. Будучи не в состоянии понять экономические основания юридической силы жалованных грамот, Мейчик преувеличивал масштабы нарушения и прекращения их действия меняющимися княжескими правительствами. В своих попытках вскрыть корень «слабой исполнительной силы» жалованных грамот Мейчик встал на позиции отрицания их политической роли. Он не называл персонально представителей противоположной точки зрения, но вероятно, имел в виду главным образом Неволина. Автор считал несостоятельным стремление связать выдачу жалованных грамот с «дальновидными политическими расчетами московских князей», с «желанием их поставить поземельную собственность в более тесную зависимость от верховной власти, подчинившей вотчинников своему непосредственному суду»¹³⁵.

По поводу подобной трактовки Мейчик высказал три критических замечания. Первое: «... На место *объективных причин*» ставятся «*сознательные субъективные цели*»¹³⁶. Это типичное проявление вульгарного экономизма, который громкими фразами относительно объективных причин пытался опровергнуть невыгодный для буржуазии вывод о том, что политика есть в конечном счете отражение объективных экономических закономерностей развития общества. Второе: «... Непосредственное участие князей в суде, особенно по делам поземельным, составляло общее правило в XIV и XV вв., и с этой стороны освобождение вотчинников от местной подсудности не могло быть, с одной стороны, льготой, а с другой – *средством централизации...*»¹³⁷. Мейчик здесь сконцентрировал внимание на личном иммунитете вотчинников, т. е. вопросе второстепенном по сравнению с главным содержанием иммунитета – взаимоотношениями между феодалом и эксплуатируемым населением сеньории. О них у Мейчика ничего не сказано, хотя именно в этой сфере яснее всего обнаруживала себя централизаторская политика князей, ограничивавших объем сеньориальной юстиции и др. Третье: «... Если бы князья предоставлением временных или бессрочных льгот вотчинникам преследовали какие-либо политические цели, то это не могло бы долго укрыться от внимания современного общества, которое и перестало бы домогаться их. В действительности же видим противное»¹³⁸. Приведенное соображение Мейчика основано на его преувеличении указного, директивного харак-

¹³² Там же. С. VII, VIII.

¹³³ Там же. С. 9, 18. Ср. сходную точку зрения М. И. Горчакова (*Горнаков М. Указ. соч. С. 252*).

¹³⁴ Там же. С. 6.

¹³⁵ Там же. С. 18.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же. С. 19.

¹³⁸ Там же.

тера жалованных грамот. Автор не сумел разглядеть элемент договора между жалователем и грамотчиком, форму политического союза.

Считая, что в жалованных грамотах государство добивалось только своих казенных целей, Мейчик по-существу отрицал классовый характер жалованных грамот, заинтересованность феодала в получении грамоты, которая, во-первых, укрепляла его земельно-собственнические права, во-вторых, санкционировала систему феодальной эксплуатации, в-третьих, определенной комбинацией вотчинных и государственных судебно-административных прав давала каждый раз наиболее подходящую для конкретного места и времени гарантию удержания эксплуатируемого большинства в узде. С точки зрения чистой логики как раз концепция Мейчика могла привести к размышлениям о том, что вотчинникам не имело смысла «домогаться» выдачи грамот, ибо последние, по теории Мейчика, «обогащали» княжескую казну, грамотчики же никаких особых выгод не получали.

После своих критических замечаний Мейчик сделал следующий вывод: «Все это заставляет нас искать ответа на поставленный вопрос (о «слабой исполнительной силе» жалованных грамот. – С. К.) не в *политических*, а в *юридических* воззрениях древнерусского общества»¹³⁹. Автор указывал на отчуждаемость земельной собственности в древней Руси и в этом усматривал источник слабости «исполнительной силы» жалованных грамот. Он рассуждал так: правительство не хотело, чтобы вместе с отчуждением земли отчуждались и казенные доходы, которые не брались с нее по жалованной грамоте; поэтому оно было заинтересовано в непрочности юридической силы жалованной грамоты и завело такие порядки, при которых грамота быстро теряла свое значение (неподтверждение новым князем, пересмотр и ограничение и т. д.)¹⁴⁰. Мейчик искусственно противопоставлял феодальную земельную собственность, как отчуждаемое имущество, феодальному иммунитету, как комплексу прав, отделяемых от этой собственности и могущих по воле князей исчезнуть при передаче земли из одних рук в другие или при неподтверждении жалованной грамоты. Трактовка Мейчика являлась естественным следствием отрыва иммунитета от землевладения. Она отражала непонимание автором того факта, что иммунитет есть атрибут феодальной собственности на землю.

Ценной особенностью работы Мейчика была попытка углубить приемы источниковедческого анализа формы жалованных грамот. Разбор формуляра в его сочинении тесно связан с классификацией жалованных грамот. Классификационная схема Мейчика уже подверглась обстоятельной критике в монографии Л. В. Черепнина, который подчеркнул ее большее удобство и простоту по сравнению со схемой Горбунова, но вместе с тем справедливо отметил, что классификация Мейчика, как и Горбунова, носит формальный характер¹⁴¹ (чистый тип: грамоты на земли, воды и угодья, заповедные, несудимые и обельные; смешанный тип: обельно-несудимые, данные в соединении с какими-либо льготами)¹⁴². Интересен опыт изучения Мейчиком формуляра обельно-несудимых грамот. Автор различал полную и краткую редакции актов этой разновидности, но не объяснял происхождения разницы в редакциях¹⁴³. Новым способом анализа иммунитетных грамот было предложенное в работе Мейчика деление их формуляра на существенные и несущественные части¹⁴⁴, однако это деление не могло не отличаться субъективизмом.

Мейчик правильно отметил, что местные особенности грамот коренятся в специфике внутреннего строя и делопроизводства отдельных княжеств¹⁴⁵. Вместе с тем, приведя образцы

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. С. 3–9, 19.

¹⁴¹ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 99–100.

¹⁴² Мейчик Д. М. Указ. соч. С. 12–17.

¹⁴³ Ничего не дает его замечание о том, что «краткость обуславливалась опущением частных» (Там же. С. 16.)

¹⁴⁴ Там же. С. 8–9.

¹⁴⁵ Там же. С. ю.

рязанских, новгородских и белозерских грамот, он не выяснил существенного различия между ними¹⁴⁶.

Мейчик впервые уделил специальное внимание указным грамотам, дал их описание и опыт классификации. Автор не учитывал отличие указных грамот от жалованных как документов делопроизводственных от актов и поэтому довольно искусственно применял к ним методы дробления формуляра по образцу аналогичных приемов, закономерных в актовом источниковедении. Когда дело коснулось указных грамот, яснее всего обнаружилась произвольность деления текста грамоты на существенные и несущественные части. Несущественной частью указных грамот Мейчик считал, например, «повествование или изложение обстоятельств дела, по которому повеление состоялось»¹⁴⁷. Таким образом, согласно методике Мейчика, в основу источниковедческого анализа грамот следовало положить принцип чисто формального деления текста источника.

В 1886 г. вышел курс истории русского права М. Ф. Владимирского-Буданова. Его трактовка жалованных грамот явилась в значительной мере выводом из концепции Мейчика. Однако вся теория Владимирского-Буданова окрашена резко выраженными монархически-националистическими чертами славянофильского толка. По мнению автора, для развития жалованных грамот как формы закона условия создались лишь в «Московском государстве», «когда власть сосредоточена была в лице великого князя, который стал единственным источником правовых норм»¹⁴⁸. Отмечая «равновесие закона и обычая» в XIV–XV вв., Владимирский-Буданов писал: «...почти вся юридическая жизнь народа предоставлялась в продолжении двух столетий действию обычного права и частной воли князей...»¹⁴⁹. Отсюда деление автором иммунитетных грамот на грамоты, фиксирующие исключительно законодательную волю князей («льготные» или «иммунитеты»), и грамоты, не создающие нового права, но подтверждающие общие нормы «в применении к частному случаю и лицу» (охранные и указные)¹⁵⁰. Впрочем, и за последними в силу недостаточной четкости общих норм права Владимирский-Буданов признавал значение частных законов (*privae leges*)¹⁵¹. Учет автором обычного права вовсе не означал его приближения к материалистическому пониманию природы некоторых иммунитетных прав (заключенных в охранных или бережельных грамотах). Владимирский-Буданов, подобно более ранним последователям славянофильства, толковал обычное право по существу целиком в духе Пухты¹⁵² (как национальное убеждение, чьим выразителем оказывался потом законодатель).

Консервативность схемы Владимирского-Буданова отчетливее всего проявилась в трактовке автором позднейшей судьбы иммунитета. Как и многие его предшественники, начиная с Неволлина, Владимирский-Буданов утверждал, что иммунитет был уничтожен. Однако Владимирский-Буданов не просто присоединился к этому выводу. Он поставил его на фундамент лозунга православия, самодержавия и народности. В целях доказать преимущества самодержавной России перед «разлагающимся» Западом со всеми свойственными ему «язвами» (классовой борьбой прежде всего) автор утверждал, что в «Московском государстве» не могло быть и не было классовых противоречий. В «Московской» Руси классовые противоположности, согласно схеме автора, стирались на почве национального единства и службы государству, а

¹⁴⁶ Там же. С. 10–12.

¹⁴⁷ Там же. С. 20.

¹⁴⁸ Обзор истории русского права по лекциям проф. М. Ф. Владимирского-Буданова. Киев, 1886. С. 178.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. С. 175.

¹⁵¹ Там же. С. 178.

¹⁵² Там же. С. 62–64. Уже М. А. Дьяконов заметил, что облеченная в новую фразеологию концепция обычного права, предложенная Владимирским-Будановым, «является... воспроизведением целиком теории Пухты» (Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Юрьев, 1907. Т. I. С. 13).

власть великого князя или царя по отношению к подданным имела «патриархальный характер», проистекая «из древних оснований власти домовладыки и отца». Самодержавное государство «не допускало развития сословных прав в ущерб общегосударственным»¹⁵³: поэтому, если на Западе иммунитеты из частных исключений превратились в общие права господствующего сословия, то в России этого не произошло: «из грамотчиков не успело выработаться привилегированное сословие»¹⁵⁴.

Работы 80-х годов занимают определенное место в источниковедении жалованных грамот. Здесь нужно различать два направления: первое – чисто буржуазное с экономическим уклоном (Ланге, Сергеевич), второе – буржуазно-националистическое, с уклоном в сторону культа монархической власти (Владимирский-Буданов). Промежуточное течение, представленное Мейчиком, в некоторых своих существенных положениях было ближе ко второму направлению. Обе концепции сходились на почве признания государства источником иммунитетных привилегий.

Положительное значение исследований Ланге и Сергеевича состояло, во-первых, в том, что в противовес историографии середины 50-х – начала 70-х годов, они попытались выяснить объективные причины выдачи грамот, не сводя все дело к воле и милости князей, к правотворчеству государства. Во-вторых, вместо идеи случайного характера жалованных грамот они выдвинули идею их всеобщего характера, основанного на известных закономерностях. В-третьих, была впервые высказана правильная мысль, что право вотчинного иммунитетного суда вошло в состав крепостного права. В-четвертых, отказ от идеи благочестия князей как стимула выдачи грамот сочетался с ростом интереса к жалованным грамотам светским лицам. В-пятых, в рассматриваемое время уже не наблюдалось двух крайностей историографии периода подготовки и проведения реформы: стремления видеть в феодальных привилегиях только частную собственность и попытки считать феодала не собственником, а наместником.

Вместе с тем историография 80-х годов больше тяготела к чичеринскому взгляду на иммунитет как частную собственность. Для буржуазной историографии периода господства капиталистических отношений характерен интерес к явлениям, имевшим значение институтов «закономерных» и «всеобщих». Это связано с экономическими теориями эпохи зрелого капитализма, когда буржуазная нация начинает осмысливаться как известное экономическое целое, и буржуазные идеологи пытаются усмотреть подобную же экономическую общность в феодальном обществе, которое в действительности было еще экономически раздробленным. Под влиянием дальнейшего развития капитализма в России буржуазная историография 80-х годов трактовала феодальную собственность на землю модернизаторски, не могла понять ее коренного отличия от буржуазной частной собственности и поэтому оказалась не в состоянии оценить иммунитет как неизбежное следствие и атрибут феодальной формы земельной собственности. Историография 80-х годов считала иммунитет по существу лишь довеском, прибавкой к землевладельческим правам, а всеобщий характер его объясняла либо финансовыми интересами правительства, либо «челобитной» теорией.

Таким образом, подобно историографии времени реформы, она усматривала источник феодальных привилегий в государственном законодательстве, осуществлявшемся в форме жалованных грамот.

Если первое направление обогатило науку новым тезисом о включении вотчинного суда в состав крепостного права, то второе течение в историографии жалованных грамот 80-х годов повторило в концентрированном виде как неправильный взгляд на происхождение иммунитета, так и неверное представление об его уничтожении. В схеме Мейчика и Владимирского-Буданова положительным моментом была мысль, что жалованные грамоты совсем не

¹⁵³ Владимирский-Буданов М. В. Указ. соч. С. 93, 132.

¹⁵⁴ Там же. С. 175.

обязательно выдавались всем и каждому, однако из нее делались ошибочные выводы («не успело выработаться привилегированное сословие» и т. п.). Оба рассмотренных направления в историографии 80-х годов в значительной степени объединялись теорией надклассового характера русского самодержавного государства.

Глава 2

Проблема иммунитета в связи с вопросом о феодализме в России (конец XIX – начало XX в.)

Развитие российской историографии в 80-х годах XIX в. привело к новой постановке вопроса об издании жалованных грамот. Получив признание актов, устанавливающих не случайные изъятия, как это полагали исследователи периода реформы, а общие порядки (концепции Н. Ланге, В. И. Сергеевича), жалованные грамоты снова оказались в центре внимания археографов. Издания второй половины 90-х годов поражают своей многочисленностью¹⁵⁵. Особенный интерес представляет сборник А. Юшкова, в котором помещалась основная масса ранее неизвестных жалованных грамот светским лицам¹⁵⁶. В сборнике М.А. Дьяконова было напечатано значительное число указных грамот, касающихся иммунитета светских лиц¹⁵⁷. Это вполне согласовалось с тематикой исследовательских работ рубежа XIX-XX вв., занимавшихся главным образом обсуждением проблемы светского иммунитета, внимание в котором стало усиливаться уже в 80-х годах. В годы, предшествовавшие революции 1905–1907 гг., и во время революции печатались жалованные грамоты как духовным феодалам, так и светским лицам¹⁵⁸. После поражения революции, воцарения реакции, в обстановке массового увлечения буржуазной интеллигенции богоискательством наблюдается большой уклон в сторону издания жалованных грамот духовным учреждениям¹⁵⁹.

В конце XIX – начале XX в., в связи с переходом от капитализма к империализму, в русской буржуазной историографии возникло течение, пытавшееся выяснить специфику феодального строя, чтобы не смешивать его с буржуазным, как это делалось в работах предшествующего периода. Однако представители нового течения (П. И. Беляев, Н. П. Павлов-Сильванский) увидели специфику феодализма только в его политическом характере и по существу отбросили вопрос о роли экономической основы феодализма – феодальной собственности на землю.

П.И. Беляев, оставаясь на почве концепции, считавшей иммунитетные грамоты формой «изъятия, *lex gr̄iva*», начал рассматривать их как документы, преследовавшие чисто управленческие цели («регулирование финансовых отношений населения» и «упорядочение судопроизводства»). Подобно Сергеевичу и Ланге, он писал, что жалованные грамоты «отменяли государственное нестроение, усовершенствовали правовой порядок», но аспект у него получался иной. Если Сергеевич и Ланге делали акцент на выполнении правительством экономических требований грамотчиков, то Беляев отмечал здесь лишь форму политического управления с оттенком льготности. Поэтому Беляев зачислял жалованные иммунитетные грамоты в одну группу с уставными, земскими и губными¹⁶⁰.

¹⁵⁵ См., например: *Вахрамеев И. А.* Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / изд. И. А. Вахрамеевым. М., 1896. Т. I; *Шумаков С.* Тверские акты. Тверь, 1896; *Он же.* Угличские акты. М., 1899; *Он же.* Обзор «грамот коллегии экономии». М., 1899. Вып. I; М., 1900. Вып. II, и др.

¹⁵⁶ Акты XIII–XVII веков, представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / изд. Александром Юшковым. М., 1898.

¹⁵⁷ Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве / изд. М. Дьяконовым. Юрьев, 1897. Вып. II.

¹⁵⁸ Материалы для истории Владимирской губернии / собрал А. В. Смирнов. Владимир, 1901–1907. Вып. I–V; Акты исторические / описан. И.М. Катаевым и А. К. Кабановым; под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., 1905, и др.

¹⁵⁹ *Веселовский С. Б.* К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот // Чтения ОИДР. 1907. Кн. 3. Смесь; *Добронравов В. Г.* История Троицкого Данилова монастыря в г. Переяславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908. Прил.; *Попов Н. П.* Собрание рукописей Московского Симонова монастыря. М., 1910 (То же // Чтения ОИДР. 1910. Кн. 2) и др.

¹⁶⁰ *Беляев П.И.* Источники древнерусских законодательных памятников // ЖМЮ. 1899. Ноябрь. С. 136, 139.

Шире подошел к этому вопросу Павлов-Сильванский¹⁶¹. Будучи одним из немногих историков, отстаивавших мысль о существовании феодализма в «древней» и «удельной» Руси, Павлов-Сильванский обратил особое внимание на однородность содержания русского и западноевропейского иммунитетов¹⁶². Этот правильный тезис он сочетал с выводом «о самобытном происхождении иммунитета» светских землевладельцев. Автор неоднократно подчеркивал «принадлежность светским вотчинникам иммунитетных привилегий по обычному праву, независимо от пожалований»¹⁶³.

Комментируя одну из грамот, Павлов-Сильванский вынужден был провести ее взгляд на иммунитет как на «естественный придаток к праву собственности на село»¹⁶⁴. Однако мысль о том, что иммунитет – атрибут феодальной формы земельной собственности, не нашла в его труде никакого развития. Павлов-Сильванский считал феодализм определенной совокупностью политических феодальных учреждений. Одним из таких учреждений был, по его мнению, иммунитет. Павлов-Сильванский не искал корней иммунитета в производственных отношениях, он присоединялся к точке зрения К. А. Неволлина, объяснявшего «самобытное» происхождение вотчинной юстиции светских землевладельцев слабостью великокняжеской или королевской власти в раннефеодальную эпоху¹⁶⁵.

Автор целиком соглашался с Фюстель-де-Куланжем, считавшим иммунитет монастырей и церкви результатом королевской милости, обусловленной любовью к вере¹⁶⁶. Неволлин был в этом отношении более последователен, чем Павлов-Сильванский, концепцию которого правильнее возводить к взглядам В. А. Милютина¹⁶⁷. Ставя иммунитетные привилегии в зависимость от размеров землевладения, Павлов-Сильванский подчеркивал только политическое значение иммунитета, но, по словам автора, для мелкого вотчинника это политическое значение «могло сводиться к нулю»¹⁶⁸.

Мелкий феодал, согласно концепции Павлова-Сильванского, интересовался иммунитетным судом лишь как доходной статьей. Автор, таким образом, игнорировал основное содержание иммунитета – отношения между феодалом и феодально-зависимым населением сеньории. Он рассматривал две производные стороны иммунитета: отношения между феодалом и феодальным государством, отношения между населением феодальной вотчины и государством¹⁶⁹, т. е. вся постановка вопроса была перенесена им в чисто политическую, юридическую плоскость. Отсюда у Павлова-Сильванского сближение с историографией середины XIX в.: объяснение княжеским благочестием выдачи грамот монастырям, толкование иммунитета как доходной статьи (для части феодалов). Наоборот, игнорирование так называемых «экономических причин» выдачи жалованных грамот усиливало разрыв концепции Павлова-Сильванского с теориями 80-х годов (вместо челобитной теории он возрождал теорию обычного права и княжеского благочестия).

Мы видим здесь ярко выраженное проявление «отрицания отрицания» в развитии взглядов на иммунитет – челобитная теория, зачеркнувшая компромиссную теорию обычного права и княжеской воли, в свою очередь зачеркивается на новой основе старой компромиссной тео-

¹⁶¹ Павлов-Сильванский Н.П. Иммунитеты в удельной Руси // ЖМНП. 1900. Декабрь. С. 318–365. Эта работа вошла в его книгу «Феодализм в удельной Руси».

¹⁶² Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 281–282.

¹⁶³ Там же. С. 298; см. также с. 291–298.

¹⁶⁴ Там же. С. 296.

¹⁶⁵ Там же. С. 298.

¹⁶⁶ Там же. С. 282.

¹⁶⁷ Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862.с. 193–195.

¹⁶⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 305.

¹⁶⁹ Значение иммунитета, поясняет Павлов-Сильванский, «зигждется на том, что он разрывает связь подданства между государем и населением» (Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 304).

рией. Челобитная теория, модернизовавшая феодальный строй по буржуазному образцу, отражала мировоззрение сторонников чисто буржуазного развития России. Отчетливо проявившийся на рубеже XIX–XX вв. военно-феодальный характер русского империализма обусловил реакцию на эти иллюзии, показав их беспочвенность.

Мнение Павлова-Сильванского об иммунитете как атрибуте землевладения (а не результате пожалования) поддержал Н.А. Рожков, хотя и с оговорками, связанными с влиянием идей Сергеевича (отрицание феодализма «в удельной Руси»; следование челобитной теории: выдача грамоты – нотариальный акт, князь – «простой нотариус») ¹⁷⁰.

Сторонники экономической теории 80-х годов не сложили оружия. Сергеевич выступил с критикой взглядов Павлова-Сильванского. Льготы в отношении уплаты налогов он считал возникшими исключительно в силу пожалований со стороны носителей верховной власти ¹⁷¹. Иммуниетные привилегии автор отрывал от частнофеодальной собственности на землю. Апеллируя к тому факту, что жалованные грамоты выдавались не только феодалам, но и слободчикам, отдельным группам торгово-ремесленного населения и др., Сергеевич утверждал: «Различие черных и белых сох не стоит ни в какой связи с сословным различием лиц» ¹⁷², «тягло могли тянуть всякие люди, начиная с владык и бояр и кончая крестьянами. Льготами могли пользоваться также всякие люди». «Наше льготное владение далеко не укладывается в рамки западных иммунитетов» ¹⁷³.

Эта путаница произошла у Сергеевича от формального подхода к так называемому «льготному владению». Сергеевич смешивал всех лиц, получавших жалованные грамоты, не вникая в содержание последних. Вместо изучения вопроса об иммунитете феодалов, он делал упор на пожаловании льгот лицам, не имевшим права феодальной собственности на землю, т. е. не являвшимся феодалами. Жалованные грамоты льготникам подобного рода нужно рассматривать как акты государственного или дворцово-вотчинного управления ¹⁷⁴. Некоторые из них (относящиеся главным образом к дворцовым селам) аналогичны тем льготным и уставным грамотам, которые выдавали монастыри своим крестьянам.

Считая иммунитет королевским пожалованием, исключением из правила, Сергеевич приходил к выводу, что общее правило предполагает «действие королевской власти на всех подданных, которые платят ей повинности и состоят под судом ее чиновников» ¹⁷⁵. Однако при феодализме, указывал далее Сергеевич, «государственный суверенитет был поделен между королем и его вассалами», узурпировавшими дарованные им королем привилегии ¹⁷⁶. Потеряв, таким образом, право сбора дани и суда в отношении населения феодальных сеньорий, король потерял и право иммунитета, т. е. освобождения от налогов и юрисдикции королевских чиновников.

Отсюда Сергеевич делал вывод, что иммунитет предшествовал феодализму, а с установлением последнего исчез ¹⁷⁷. Но так как на Руси иммуниетные льготы продолжали предоставляться вплоть до XVIII в., ни о каком феодализме в древнерусском государстве и речи быть не может: «У нас были некоторые предвестники феодализма, но очень слабые: феодализма же не развилось» ¹⁷⁸. Следовательно, трактовка иммунитета послужила для Сергеевича одним из способов отрицания феодализма на Руси, что, в свою очередь, давало возможность обосновать

¹⁷⁰ Рожков Н. Происхождение самодержавия в России. М., 1906. С. 20, 21, 24, 27.

¹⁷¹ Сергеевич В. Древности русского права. СПб., 1903. Т. III. С. 291, 292, 297.

¹⁷² Там же. Т. III. С. 313.

¹⁷³ Там же. С. 308 и примеч. 2.

¹⁷⁴ Подробнее см.: Памятники русского права. М., 1956. Вып. IV. С. 101–102 (далее – ПРП).

¹⁷⁵ Сергеевич В. Указ. соч. Т. III. С. 471.

¹⁷⁶ Там же. С. 471–472.

¹⁷⁷ Там же. С. 472.

¹⁷⁸ Там же. С. 474–475.

теорию бесконфликтного течения русского исторического процесса. Рассуждения об одинаковом предоставлении льгот всем сословиям подкрепляли теорию надклассовости феодального государства, сеяли буржуазные иллюзии относительно сущности русского самодержавия.

Не остался в стороне от обсуждения природы иммунитета и П. Н. Милюков. В первых четырех изданиях его «Очерков по истории русской культуры» (1896–1900 гг.) термин «иммунитет» как будто еще не фигурирует. Появляется он в пятом (1904 г.) и повторяется в шестом (1909 г.) издании. Но уже в первых изданиях Милюков ясно сформулировал свою мысль о принципиальном отличии социально-политического положения русского землевладельца от статуса его западного собрата: «русский землевладелец» в противоположность западному «феодалу» не превратился в промежуточную власть между государем и подданными. «В своей вотчине он никогда не был тем полным государем, судьей и правителем, каким был западный барон в своей баронии. Чиновники местного князя, его судьи, сборщики податей всегда беспрепятственно проникали в пределы владений русского вотчинника»; только поступив на службу к князю, вотчинник «мог рассчитывать получить в свое пользование хотя бы часть тех государственных прав, которых он был лишен как простой хозяин вотчины»¹⁷⁹.

В первых четырех изданиях Милюков по существу сводил возможные политические права землевладельца к правам кормленщика. В пятом и шестом изданиях он различает «иммунитет» и «кормление», но оба комплекса прав считает результатом пожалования: «Свой князь мог передать ему часть своих верховных прав в его собственной „боярщине“, т. е. установить для него более или менее широкий „иммунитет“. Чужой князь... давал особенно важным и сильным „слугам“ часть своих доходов, связанных с управлением и судом в каком-нибудь городке или волости, во временное „кормление“. Итак, те права, которыми западный землевладелец пользовался как самостоятельный хозяин и как обязательный вассал своего обязательного сюзерена, наш землевладелец мог получить только как чиновник на службе выбранного им князя»¹⁸⁰.

Особый путь России Милюков объясняет тем, что государственность сложилась здесь раньше, чем к этому привел процесс внутреннего экономического развития (в этом он видит коренное отличие России от Запада и сходство с Турцией): на Руси «присвоение государственных земель частными владельцами не привело к феодализму, потому что государственная власть была уже настолько сильна, что заставить ее поделиться верховными правами с крупными землевладельцами было невозможно. Самое большое, чего они кое-как добились, – это введение феодального элемента в свои отношения к низшим слоям населения, т. е. закрепощение крестьян и дворовых слуг»¹⁸¹. Затем, согласно Милюкову, был закрепощен государством и класс служилых землевладельцев¹⁸².

В построениях Милюкова повторилась на новой стадии развития общественной мысли концепция закрепощения сословий, отрицание (хотя и небезоговорочное) феодализма в России, отождествление иммунитета с кормлением, рассмотрение иммунитета в качестве простого пожалования государственных прав частному лицу. Милюков возродил в основных чертах схему Градовского, придав ей новую политическую направленность.

Схема Милюкова не рождалась как антитеза концепции Павлова-Сильванского (первое издание «Очерков» появилось до выхода статьи Павлова-Сильванского об иммунитетах), но фактически оказалась таковой, что особенно заметно в изданиях 1904 и 1909 гг., в которых автор, видимо, учел новую литературу.

¹⁷⁹ *Милюков П.* Очерки по истории русской культуры, [1-2-е изд.]. СПб., 1896. С. 164–165; 3-е изд. СПб., 1898. С. 168–169; 4-е изд. СПб., 1900. С. 177–179; 5-е изд. СПб., 1904. С. 206–208; 6-е изд. СПб., 1909. С. 220–222.

¹⁸⁰ *Милюков П.* Указ. соч. 5-е изд. С. 208–209; 6-е изд. С. 222–223.

¹⁸¹ Там же. 5-е изд. С. 142–143; 6-е изд. С. 147–148.

¹⁸² Там же. 5-е изд. С. 209; 6-е изд. С. 223.

В 1907 г. вышла в свет книга М. А. Дьяконова. В своей классификации жалованных грамот (дарственные, льготные или иммунитетные, заповедные) Дьяконов целиком повторил схему М. Ф. Владимирского-Буданова¹⁸³, однако его толкование иммунитетных грамот разошлось с концепцией Владимирского-Буданова. В этом вопросе Дьяконов исходил в основном из теории Сергеевича рубежа 80-90-х годов. Рассматривая иммунитетные грамоты как документы, содержащие «какие-либо изъятия... от общих порядков суда и податных обязанностей»¹⁸⁴, автор считал, что этими пожалованиями московские великие князья и цари «создают указную практику, на почве которой могут выработаться мало-помалу общие нормы»¹⁸⁵. Дьяконов писал: «Хотя у нас почва для возникновения сословных привилегий оказалась менее благоприятной (чем на Западе. – С. К.), но все же некоторые из пожалований получили характер общих норм. Например, предоставляемое по жалованным грамотам землевладельцам право судить население своих имений и взимать с них подати вошло готовым элементом в состав крепостного права на крестьян вотчин и поместий»¹⁸⁶. Таким образом, Дьяконов развил здесь мысль Сергеевича. Он изложил ее в такой форме, которую было довольно нетрудно примирить с положением об иммунитете как праве определенного сословия.

Попытка соединить концепции Владимирского-Буданова и Сергеевича в рамках классификационной схемы Владимирского-Буданова делалась также в курсе А. Н. Филиппова, однако автор гораздо больше, чем Дьяконов, находился под влиянием Владимирского-Буданова. Во всяком случае вывода о вхождении вотчинного суда в состав крепостного права у него нет¹⁸⁷.

Зато сословное право видел в иммунитете А. Е. Пресняков. Посмертная (1938 г.) публикация его лекций дает представление о концепции иммунитета, выдвинутой им в 1907/08-1915/16 гг.

Пресняков подчеркивал древность «иммунитетной автономии церкви», ограничивавшейся лишь по мере усиления княжеской власти.

Из лекций не вполне ясно, считал ли в это время Пресняков иммунитет атрибутом землевладения или результатом пожалования. Во всяком случае, он говорил, что в XII в. «предметом *пожалования*

¹⁸³ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Юрьев, 1907. Т. I. С. 210–213.

¹⁸⁴ Там же. С. 211.

¹⁸⁵ Там же. С. 209.

¹⁸⁶ Там же. С. 212.

¹⁸⁷ Филиппов А.Н. История русского права: Конспект лекций. Юрьев, 1906. Ч. I, вып. II. С. 8–12.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.